

L'olocausto sconosciuto: lo sterminio degli Italiani di Crimea

(Seconda Edizione - Roma - Marzo 2008)

Giulia Giacchetti Boico e Prof. Giulio Vignoli

riproduzione in formato elettronico accordato dagli autori esclusivamente a

www.ItalianiNelMondo.com

Оглавление

Dedicatoria e Ringraziamenti.....	3
Sinossi.....	4
I. Итальянское меньшинство в Крыму. Предыстория.....	5
II. Сталинские чистки и депортация.....	12
III. Современное состояние итальянской общины Крыма.....	17
IV. Итальянская диаспора в России, Казахстане, Узбекистане и др.....	25
V. Говорят свидетели.....	28

ВЫВОДЫ

а) Необходимость официального признания Украинским государством и Автономной республикой Крым факта депортации итальянцев.....	68
б) Необходимость, чтобы Итальянская Республика вернула гражданство тем итальянцам Крыма и их потомкам по мужской и женской линии, которые этого захотят.....	69

APPENDICI

1. Фотографии и ксерокопии документов.....	71
2. Маршрут депортации (карта).....	72
3. Documenti e Stampa (riposta della Direzione regionali degli interni, dichiarazione del KGB, articolo di Marco Brando).....	72
4. Fotografie (Disegno di Kerc nel 1856, foto di Pietro Giacchetti, Polina Delerno, Natascia De Lerno Tocareva, Speranza Giacchetti Denisova, Natale De Martino, Pietro Pergalo, Larissa Giacchetti Sciskina)	73

DEDICATORIA E RINGRAZIAMENTI

Памяти итальянцев Крыма, подвергавшихся преследованиям, убитых и захороненных без креста

От всей души благодарим за активную помощь:

Анастасию и Евгения Бойко; Наталию Де Лерно Токареву; Анатолия (Натала) Де Мартино Чернявского; Надежду Джаккетти Денисову; Ларису Джаккетти Шишкину; Павла Еванджелиста; Паолину Еванджелиста Шестерёнкину; Маргариту Леконте Лебединскую; Марию Ненно Белозерцеву; Петра Пергало; Георгия Рейнгарда; Леониду Риццолатти; Татьяну Сапову; Оксану Саулину.

Это издание было выпущено благодаря финансовым взносам, которые пожертвовали:

(в алфавитном порядке) адвокат Джан Никола Аморетти, национальный президент Монархического союза Италии (Рим-Италия); Ассоциация «Мост солидарности» (Кормано, Милан-Италия); Коменданте Серджо Боскьеро, национальный секретарь Монархического союза Италии (Рим-Италия); адвокат Франческо Виньёли, поверенный государства (Милан-Италия); Исследовательский центр «Доменико Гранди» (Коринальдо, Анкона-Италия); Коммандитное товарищество «Колоннелли» по управлению недвижимым имуществом (Генуя-Италия); доктор Маурицио Ортона (Генуя-Италия); Его Королевское Высочество принц Аймонэ Савойский, герцог Аосты (Москва, Россия); Её Королевское Высочество принцесса Мария Габриелла Савойская, дочь Его Величества короля Италии Умберто II (Женева-Швейцария); господин Джованни Серафини (Каррара-Италия); доктор Джузеппе Тарò, консул Польши (Генуя-Италия); профессор Мария Антониетта Фалки из Университета Генуи (Италия); Фонд Дж.Д.Пессина (Лугано-Швейцария); профессор Антонио Фонтана из Генуэзского университета (Италия).

SINOSI

Dal 1830 fino alla fine del Secolo XIX un flusso migratorio italiano, composto soprattutto di Pugliesi, interessò la Crimea allora appartenente alla Russia zarista. Con l'avvento del comunismo il destino di questa comunità, alcune migliaia di persone, divenne problematico per poi precipitare verso un tragico destino.

In particolare il pamphlet rievoca la drammatica vicenda, per lo più ignota e comunque sempre ignorata da chi avrebbe dovuto e dovrebbe occuparsene, di questi Italiani, di questa vera e propria minoranza nazionale della Crimea, dalle persecuzioni nel periodo stalinista alla deportazione nel 1942 in Cazachistan, alla fame, agli stenti, alla morte di molti nelle steppe dell'Asia, per giungere fino ai nostri giorni. La pubblicazione, arricchita da importantissimi ed inediti documenti e testimonianze, vuole pubblicizzare i terribili eventi patiti dagli Italiani (uomini, donne, vecchi e bambini) e sensibilizzare l'opinione pubblica e la classe politica dell'Ucraina e dell'Italia alle difficili condizioni in cui tuttora vivono i sopravvissuti in Crimea e la diaspora negli Stati della ex Unione Sovietica. Ad essi deve essere resa giustizia.

Giulia Giacchetti Boico, nipote di deportati, da anni raccoglie materiale sulla deportazione degli Italiani di Crimea. E' la memoria storica della Comunità degli Italiani di Kerc (Crimea, Ucraina). Può essere definita "tout court" il "genius loci".

Giulio Vignoli è professore di Diritto Internazionale nell'Università di Genova (Italia). Da tempo si occupa delle minoranze italiane che vivono nell'Europa Orientale e della loro tutela. In argomento ha pubblicato vari libri, tale "Gli italiani dimenticati. Minoranze italiane in Europa. Saggi e interventi (Giuffrè' 2000)" e "I territori italofoeni non appartenenti alla Repubblica italiana agraristica (Giuffrè' 1995)".

I. ИТАЛЬЯНСКОЕ МЕНЬШИНСТВО В КРЫМУ. ПРЕДЫСТОРИЯ.

Уже в средневековье Крым знал цветущие торговые колонии венецианцев и генуэзцев: достаточно вспомнить о генуэзской Кафе, современной Феодосии. Но итальянские колонии в Крыму исчезли под натиском завоевателей, которые если не убивали жителей, то вынуждали их уехать.

Чтобы не отвлекаться от вопроса, являющегося темой настоящего «памфлета», мы не станем здесь рассказывать об интереснейшей истории целых веков. Упомянем только, что, несмотря на вхождение Крыма в состав России, в 1854 году около 60% его населения составляли крымские татары, а оставшиеся сорок процентов приходились на долю людей разных национальностей: русских, украинцев, греков, турков, евреев, поляков, армян, немцев и представителей других народностей. Так что Крым еще во второй половине девятнадцатого века был регионом множества культур и языков.

А в середине девятнадцатого века в Керчи и окрестностях города поселились и выходцы из Италии, привлеченные обещанием хороших заработков и миражом почти нетронутых плодородных земель. Это были в основном крестьяне, моряки, рыбаки, боцманы, лоцманы, капитаны и судостроители (город Керчь расположен на берегу одноименного пролива между Черным и Азовским морями и становится важным портом). Было две основных волны миграции в 1830 – 1870 годах, но некоторые семьи приехали позже к родным и знакомым, которые уже обосновались в Крыму.

В 1840 году в Керчи была построена римско-католическая церковь, (освящена 19 марта 1840 года). Предполагается, что спроектировал её архитектор Александр Дигби - этот итальянец, выходец из Пьемонта, много работал в Керчи. В то время в городе было всего 30 семей католиков, в основном итальянцев. На фасаде церкви была мемориальная доска в память о сооружении её силами итальянцев, с надписью на латыни или на итальянском языке (есть разные версии). К сожалению, эта доска была утрачена в тридцатых годах двадцатого века, когда чудом уцелел и сам храм. В послевоенное время на её месте появилась другая, сообщающая на русском и украинском языках, что здание является памятником архитектуры. Но и эта доска недавно пропала, по всей видимости, её сдали в металлолом.

Сколько их было всего, итальянских эмигрантов в Крыму? Источники говорят о примерно двух тысячах человек. В основном это

выходцы из Бишелъе, Молфетты, Трани, Бари и других мест итальянского региона Апулии. 17 сентября 1997 года Комиссия по иностранным делам Парламента Италии в ответе на запрос утверждала, что итальянцы, которые начиная с XVIII века поселились в Крыму, преимущественно в Керчи и Феодосии, «происходят из Кампании, Апулии (а кроме того, из Лигурии и других тирренских регионов)». Но память об этих тирренских корнях утеряна, поскольку современные потомки итальянских эмигрантов в основном заявляют о своём апулийском происхождении, что лишний раз подтверждают и их фамилии. Некоторые семьи заявляют о своём происхождении не из Апулии, а из других регионов Италии, но это трудно доказать. А предполагаемые переселенцы времен Екатерины II или вернулись на родину, или полностью ассимилировались. Были среди крымских итальянцев участники национально-освободительного движения Рисорджименто, гарибальдийцы и даже потомки Джузеппе Гарибальди, но их следы давно затерялись. Один из феодосийских родственников Героя двух миров, потомок его брата, был расстрелян в тридцатые годы.

Многие статистические данные относятся, судя по всему, только к занятым в сельском хозяйстве (возможно, их легче всего учитывать). Но если это так, то общее количество должно превышать вышеупомянутые две тысячи человек. Сложность сообщения с Италией способствовала сохранению в их среде традиций и характерного говора.

Остаётся, однако, фактом, что в конце девятнадцатого – начале двадцатого века власти царской России благоприятствовали переезду итальянцев в Крым для развития сельскохозяйственной деятельности, особенно разведения винограда и производства вина. Стоит вспомнить, что в девятнадцатом веке итальянские колонии существовали также в Феодосии, Одессе, Николаеве, Новороссийске, Мариуполе, Бердянске, Батуми и других портах Черного и Азовского моря.

Согласно отрывочным данным, предоставленным Государственным Комитетом Украины по делам национальностей, итальянцы составляли 1,8% населения Керчи по переписи 1897 года, а в 1921 году их было уже 2%. Некоторые источники говорят о трёх тысячах человек. После революции наступило, однако, для этих наших соотечественников время тяжелых испытаний и часть их вернулась на родину.

История этой маленькой общины переплелась с трагедией большой страны, что и отразилось на непростых политических и дипломатических отношениях между Италией и Советским Союзом.

Крымские итальянцы, на свою беду, стали одним из множества кусочков кровавой мозаики. В драме преследуемых и уничтожаемых преступным безумием народов и им выпала своя роль.

В 1920 году итальянская община имела римско-католическая церковь (построенную, как уже говорилось, в 1840 году) со своим приходским священником. В начале века была основана начальная школа, были созданы благотворительное общество и клуб с библиотекой. Община поддерживала отношения с итальянскими дипломатическими представительствами.

С середины двадцатых годов итальянское меньшинство взяли под опеку политэмигранты, бежавшие в СССР из Италии. Эти коммунисты, укрывшиеся от преследований фашистов в Советском Союзе, потом почти все нашли здесь свой конец: обвиненные в измене, уклонизме и т.п., они пали от руки своих же советских товарищей.

Насильственная коллективизация с последующими репрессиями, преследованиями, конфискациями, арестами и чистками вынудила многих итальянских колонистов вернуться на Родину. Но, как будет показано, уехать удалось не всем. Государственный Комитет Украины по делам национальностей отмечает уменьшение количества итальянцев, которые по переписи 1933 составляли только 1,3% населения Керчи. Но худшее было ещё впереди: в 1935 – 38 годах последовали сталинские «чистки».

В ходе коллективизации деревни коммунистические власти способствовали созданию итальянского колхоза в ближайших окрестностях Керчи (в пятнадцати минутах пешей ходьбы от города, как заверяет один документ). Колхоз получил название «Сакко и Ванцетти» в честь двух итальянских анархистов, казненных в США. Его создание встретило немалые трудности: итальянские фермеры, мелкие землевладельцы, сопротивлялись передаче своих участков в общее пользование. Кто смог, уехал в Италию.

Идея создания отдельных колхозов по национальному признаку привела к появлению в Крыму 16 хозяйств из крестьян национальных меньшинств. Как видим, регион оставался многонациональным.

Упомянем также, что перед войной газета «Керченский рабочий» регулярно публиковала статьи кроме русского и украинского ещё и на греческом и итальянском языках.

Московские власти пытались использовать итальянских антифашистов для связи с крымской общиной. В Керчь были отправлены активисты итальянской компартии, они вели антифашистскую, марксистскую и атеистическую пропаганду. По их

настоянию была закрыта церковь и выслан священник, одновременно они прибрали к рукам и школу.

Один из итальянских политэмигрантов, Данте Корнели, провел в Сибири 24 года и, вернувшись в Италию, до конца своих дней обличал преступления Сталина и его сообщников из руководства итальянской компартии. В своей книге («Сталинизм в Италии и в антифашистской эмиграции. Список итальянских жертв сталинизма. От буквы «А» до буквы «Л», том пятый, 1981 год), он говорит о «драме более чем двух тысяч итальянцев сельскохозяйственной колонии Керчи (Крым)».

Корнели утверждает, что среди живших в те времена на берегах Черного моря и в Украине соотечественников были и потомки пленных Крымской войны 1854 года и Первой мировой войны 1914 – 1918 годов. Но эти слова не находят подтверждения в воспоминаниях современных керченских итальянцев. Некоторые семьи уверяют, что среди их предков были военнопленные итальянцы, но тому нет никаких документальных подтверждений. Возможно, это просто семейные легенды. На самом деле в Первой мировой войне Италия была союзницей России, следовательно в плен здесь могли попасть только итальянцы из регионов Трентино и Венеция Джулия, которые были в то время подданными Австрии. К тому же не понятно, почему бы пленных итальянцев держали именно в Крыму.

Тем не менее, согласно Корнели, «одна только сельскохозяйственная колония Керчи насчитывала более двух тысяч итальянцев». Другие соотечественники занимались различной деятельностью в городах Керчь, Феодосия, Новороссийск и других местах Крыма и Причерноморья. Некоторые работали на построенном в конце XIX века металлургическом заводе, другие служили в советском торговом и рыболовецком флоте.

По воспоминаниям того же Корнели, начиная с 1922-24 годов соотечественниками в Керчи занялась, через Комитет эмигрантов, Коммунистическая партия Италии. В 1924 году по инициативе бывшего депутата-коммуниста Ансельмо Марабини был организован итальянский колхоз «Сакко и Ванцетти», встретивший полную поддержку со стороны советских властей и сопротивление наших соотечественников.

«Итальянская коммунистическая эмиграция – вспоминает Корнели, - взяла над ними шефство. В Керчь были отправлены «товарищи», чтобы вести пропаганду, преподавать итальянский язык. Велась антифашистская пропаганда. Приезжавших в СССР политэмигрантов приглашали на работу в керченский колхоз. А когда руководители

хозяйства отправлялись в Москву, Марабини шел с ними в Народный Комиссариат сельского хозяйства, горячо отстаивал их интересы и получал для колхоза материальную и финансовую помощь и сельскохозяйственные машины, стремясь сделать его образцом для крестьян региона».

После возобновления дипломатических отношений между Италией и СССР, прерванных на несколько лет после Октябрьской Революции, итальянское правительство через Посольство в Москве и Консульство в Одессе снова стало проявлять интерес к итальянскому меньшинству.

Выезды на место, доверенные лица и «источники информации» позволяли дипломатическим представительствам Италии следить за всем, что происходило в общине. Корнели приводит некоторые сообщения, отправленные в Рим Посольством Италии в Москве: «КПИ [Коммунистическая Партия Италии] развернула интенсивную работу в керченской колонии, пытаясь вывести её из под влияния Королевского консула в Одессе». 18 июля 1930 года консульство сообщает посольству в Москве (а то передает в Рим), что «около трёх месяцев назад в Керчи был открыт итальянский коммунистический клуб». 30 сентября того же года консульство писало, что «деятельность коммунистов среди итальянского элемента Керчи этим и ограничивается».

По поводу коллективизации земель консульство писало о «репрессиях, преследованиях, конфискациях и выселениях, которым подвергались наши соотечественники», сообщало также, что коммунистический Клуб мало кто посещает, что в Керчь приезжают пропагандисты из Москвы, называло их поименно. Передавая список колонистов, принявших советское гражданство, и политэмигрантов, приезжающих в Керчь, консульство настаивало на необходимости «организации вицеконсульства в Керчи».

Именно в этот период керченских итальянцев посетил Паоло Роботти. Этот человек, родственник секретаря коммунистической партии Италии Пальмиро Тольятти, пользовался дурной славой среди укрывшихся в СССР итальянских коммунистов. Он стал печально известен и той ролью, которую сыграл в жизни военнопленных итальянцев, когда стал тюремщиком, как и некоторые другие ренегаты. Вряд ли случайно, что именно во время его пребывания в городе была закрыта церковь и выслан обратно в Италию приходской священник.

В своих воспоминаниях «Испытание» Роботти пишет, что экономика керченского округа была, в целом, ещё преимущественно сельскохозяйственной. Второй местный ресурс – рыболовство. «Когда

я туда приехал, итальянцев было около 2000, в основном занятых в сельском хозяйстве”, выходцев из Бари и ближайших к нему городков. Их привлекли сюда плодородная земля и море, богатое рыбой. Но некоторые работали в металлургии или в рудных карьерах.

Что касается колхоза, Роботти подтверждает враждебное отношение к нему «наиболее состоятельных» итальянцев, «которых фашистское консульство в Одессе старается использовать». Роботти уверяет, что стимулировалось создание коллективных сельскохозяйственных объединений по национальности крестьян. Кроме итальянского колхоза были еще армянский, греческий, турецкий, болгарский, албанский, украинский и т.д. Всего по национальному признаку в Крыму было создано 16 колхозов, но лидировали по активности и производительности армянский и итальянский. поголовье скота, по словам Роботти, состояло из 80 коров, около 200 овец, такого же количества свиней и нескольких десятков лошадей. Колхоз владел 870 гектарами земли и специализировался на выращивании зерна, винограда и овощей. Согласно Роботти в колхоз входило более 100 семей, возглавляли его «два члена большевистской партии»: председатель колхоза Симоне и секретарь партийной ячейки Карбоне.

Из этих же слов Роботти следует, что даже если считать в каждой семье по 10 человек (что уже много), то в колхоз вступила только половина итальянцев Керчи.

Приведем ещё одну цитату из воспоминаний Роботти: «Итальянский священник, длинная рука одесского консульства, организовал школу [*в действительности школа существовала уже давно!*] при католической церкви, и местные советские власти ему не препятствовали, хотя его действия выходили за рамки религиозных обязанностей. Один из агентов фашистского консульства периодически приезжал в Керчь, но поддерживал контакты не со всеми соотечественниками (которые имели ещё, почти все, итальянские паспорта), а в основном с зажиточными крестьянами, поощряя их бороться против колхоза». Естественно, заверения Роботти, учитывая его коммунистические убеждения, не стоит считать несомненными.

Итальянская секция Клуба Политэмигрантов Москвы решила вмешаться, отправив в Керчь «итальянских товарищей» и приняв «шефство над колхозом». В итоге «консульство было вынуждено прекратить свои интриги, число семей, вступивших в колхоз, увеличилось, многие зажиточные крестьяне покинули свои участки и вернулись в Италию [потеряв при этом всё нажитое, добавим мы]. В конце 1932 года – заключает Роботти – уехал и итальянский

священник, закрыв церковь и школу». Дело было сделано. После войны Роботти никогда больше не интересовался судьбой оставшихся итальянцев. Может, он так никогда и не узнал, что преступная идеология отняла у этих людей не только всё имущество, но часто и свободу, и жизнь.

Московские «товарищи» направляли потом «доверенные элементы», чтобы преподавать в школе, заново открытой для первых трех классов. Церковь открывалась только по воскресеньям для желающих прийти помолиться. Естественно, никакому другому священнику не было позволено занять место того, изгнанного.

Информация об этом, также со ссылками на московских эмиссаров, дана была Каккавале в его книге «Надежда Сталина. Трагедия антифашизма в СССР». О керченских итальянцах рассказывает вкратце и Джулиано Пайетта, брат более известного Джанкарло (будущего высочайшего представителя компартии Италии, многими превозносимого политикана послевоенной Италии). Он провел в Керчи около шести месяцев 1934 года, что и описал в своих воспоминаниях («Россия в 1932 – 34 годах», Рим, 1985 год). Но и Пайетта впоследствии никогда не беспокоился, как сложилась судьба этих людей, и куда подевались все те соотечественники, среди которых он тогда жил.

II. СТАЛИНСКИЕ ЧИСТКИ И ДЕПОРТАЦИЯ

По свидетельству русского академика Владимира Федоровича Шишмарёва, который изучал говор крымских итальянцев, в 1940 году в Керчи их оставалось ещё около 1.100 не считая соотечественников в Феодосии, Таганроге, Херсоне и Краснодаре. И это несмотря на сопровождавшуюся арестами и преследованиями насильственную коллективизацию деревни 1930 – 1933 и сталинские чистки 1935 – 1936 годов.

Как уже говорилось, в 1933 только в Керчи и окрестностях итальянцы составляли 1,3% (против 2% в 1921!) населения, по расчетам это выходит около 1.320 человек против 71,6% русских, 8,8 % украинцев, 7,7% евреев, 3,9% татар, 2,1% греков, 1,9 % армян, ещё меньше численность других национальных меньшинств (немцев 0,5%, болгар 0,1%, и т.д.). То есть, данные свидетельствуют, что итальянцев становится всё меньше. Очевидна и произошедшая за это время русификация.

Во время «чисток» и преследований 1933 – 38 годов многие итальянцы были арестованы по ложному обвинению в шпионаже в пользу Италии, подвергнуты пыткам, а потом одни расстреляны, другие приговорены к заключению в тюрьмах и сибирских лагерях, где мало кто выжил. Например, братья бабушки Ю.Б. были арестованы, двое погибли, судьба одного неизвестна. И только один вернулся домой и был потом депортирован вместе со всем своим народом.

В сталинских чистках погиб и Саверио Паренти. 14 июля 1998 года в городке Альбисола Супериоре (Савона, Италия) Джулио Виньёли встретился с его сыном Дженнаро. Капитан Паренти (а Дженнаро унаследовал отцовскую любовь к морю и в течение 40 лет бороздил воды, командовал кораблями и пароходами) рассказал, что первая волна «чисток» прошла в 1933, а вторая, более масштабная, в 1937.

В 1937 были арестованы его отец и отец Антонио Ди Фонцио (другой уроженец Керчи, живущий ныне в Генуе, с ним Джулио Виньёли разговаривал по телефону). Их увезли куда-то, возможно в Сибирь, и больше о них ничего не известно, исчезли.

«Получив предписание явиться в милицию для допроса – вспоминает Паренти спустя столько лет, - мой отец плакал и отчаивался, и вся семья вместе с ним. Он опасался худшего, но не мог убежать, даже если бы хотел. Просто некуда было бежать». Маленький Дженнаро в последний раз видел своего отца, когда его вместе с

другими заключенными увозили на грузовике. «Шел снег, - вспоминает он, - мама взяла меня на руки и подняла вверх, чтобы отец смог меня заметить». Больше о судьбе Саверио Паренти ничего не известно. Вместе с ним пропали ещё три дяди и многие другие, обвиненные в шпионаже по причине итальянского происхождения. Саверио Паренти работал лоцманом в Керченском проливе. Он был моряком, как и многие другие крымские итальянцы, плававшие в ближних и дальних морях.

Дженнаро с матерью посчастливилось избежать депортации и переехать вглубь страны. Потом, когда итальянские войска уходили с Украины во время Великой Отечественной войны, матери удалось получить для себя и маленького сына место в военном грузовике, и так в марте 1943 они приехали в Геную.

Разрушенная Италия сорок третьего года показалась мальчику раем по сравнению с Крымом, где он голодал, ел горелую пшеницу. «Опера Балилла» (*благотворительная организация, помогавшая детям*) на улице Цезаря – он точно помнит – снабдила его одеждой и парой ботинок. Это были первые собственные ботинки маленького Дженнаро!

После освобождения Крыма и Северного Кавказа многие национальные меньшинства, живущие на этой территории (в том числе и итальянцы) были объявлены сообщниками врага и выселены. Уточним, что немцы подверглись депортации из Крыма ещё в августе 1941 года, когда фашистские войска впервые приблизились к полуострову. А крымские татары, греки, поляки, болгары, румыны и другие были выселены в мае 1944 года после второго освобождения Крымского полуострова. Крымские татары (самый многочисленный из депортированных народов) были высланы из Крыма 18 мая 1944 года, и именно эта дата официально отмечается в Украине как День памяти депортированных. И только итальянцам были высланными в январе – марте 1942 года, как будет показано в дальнейшем.

В результате Крым оказался практически полностью русифицирован. Хрущёв в своём докладе XX съезду КПСС в феврале 1956 года назвал депортацию ужасным, чудовищным геноцидом народов, и добавил, что украинцы избежали этой участи только потому, что их слишком много и не нашлось бы места, куда их выслать.

Город Керчь был взят немцами 16 ноября 1941 года и отвоёван советскими войсками 30 декабря того же года после 6 – 7 недель оккупации. А уже в конце января (по разным сведениям 28, 29 или 30

числа – но чаще всего упоминается 29) началась депортация итальянцев. И только несколько семей было выслано в феврале (см. Воспоминания Марии Ненно).

Керчь пережила и вторую немецкую оккупацию с 19 мая 1942 года по 11 апреля 1944 года, но итальянцы были депортированы после первого освобождения города. Кстати, говорят, что при депортации НКВД воспользовалось списком итальянских семей, который составили во время первой оккупации города немцы (они часто принимали смуглых итальянцев за евреев).

Большинство депортированных итальянцев принадлежало ко второму поколению эмигрантов со стариками первого поколения и детьми третьего. Только некоторые потомки приехавших в середине XIX века колонистов были четвертого и пятого поколения.

Выселяемым было позволено взять с собой всего восемь килограммов вещей на человека. О депортации сообщили кому за полтора, кому за два часа. Людей везли в вагонах для скота почти два месяца, с 29 января до конца марта.

В дороге многие умерли от болезней, голода и холода. Тела оставляли на станциях, где проходил состав. Путь продолжался так долго, потому что этот поезд был просто тюрьмой на колесах, и пропускал все другие составы. Так что большую часть переезда вагоны стояли где-нибудь в степи. Только раз в день разрешалось выйти для телесных потребностей, и белизна снега ослепляла глаза привыкших к темноте людей. Многие из выживших до сих пор не хотят вспоминать и рассказывать о депортации, хотя прошло уже 65 лет.

В местах ссылки итальянцы оставались под постоянным надзором НКВД. Было запрещено самовольно менять место жительства, даже в той же местности. Это расценивалось как попытка бегства и нарушителям грозило наказание. Если кто-то пропал в степи и тело не нашли, то пропавшего искали как беглеца. Было много неудачных попыток сбежать, и, кажется, лишь одна удачная. Рассказывают, что одна итальянка, которая потеряла по дороге в Казахстан двух сыновей, сумела сбежать с последней дочерью, видимо, подменив документы. НКВД разыскивало их несколько лет. Возможно, речь идет о Паолине Еванджелиста (см. далее её воспоминания).

Уже находясь в депортации, многие итальянцы были обречены на каторжную работу в трудармии (трудовой армии). Речь идет о принудительных работах, к которым привлекались трудоспособные мужчины и женщины начиная с 14 лет и старше, в основном из «подозрительных» слоёв населения: члены семей кулаков,

представители некоторых национальных меньшинств (в том числе итальянцы, немцы и другие), уже высланных или ещё нет. Они набирались через военкомат по повесткам как призывники, когда власти нуждались в бесплатной рабочей силе для тяжёлых работ: погрузки и разгрузки, рытья траншей и т.п. Условия были похожи на лагерные: люди жили в закрытых бараках, работали под надзором вооруженных конвоиров и не имели никаких прав. Только в отличие от заключенных, осужденных за какое-то конкретное преступление (хотя порой и вымышленное) и приговоренных (хотя часто и без суда) к определенным срокам, «трудармейцы» не были официально обвинены или осуждены и сроки их работы не были определены. Они работали, сколько было нужно, обычно от нескольких месяцев до года. Потом их отправляли обратно, оставляя жить под надзором, но вместе с семьями. Если была необходимость, их могли взять на работы снова. К примеру, дедушка Ю.Б. тоже был в трудармии, а когда вернулся, весил всего 48 кг. Зато вернулся живой, многие погибали.

Вот что писал по этому поводу Сергей Паскуалович Де Мартино в своих частично опубликованных воспоминаниях «Исповедь с расшитым ртом»: «Затем (уже в депортации) меня вызвали по повестке в военкомат и направили в трудовую армию города Караганды. Работал на шлак-карьере, на погрузке угля. На работу нас водили под конвоем. Всех без исключения, кто находился в трудармии: немцев, поляков, итальянцев. Не было к нам доверия, несмотря на возраст, семейное положение, образование и на то, что не имели мы другой Родины, кроме Советского Союза. Только одно слово в документах, которое указывало национальность, давало повод к недоверию, подозрению в измене...» Потом однажды двое заключенных трудармии донесли, что якобы Сергей сказал: «У немцев хорошие самолёты». В результате он был осужден и приговорен к десяти годам тюремного заключения и 5 годам поражения в правах, реабилитирован только в 1975 году. Оба его брата, Франческо и Джузеппе, погибли в лагере.

В заключение скажем, что согласно официальным советским источникам в период 18 – 20 мая 1944 года были высланы 191.014 граждан татарской национальности (представители крымскотатарской общины настаивают на цифре 238.500 депортированных, из них 86,4% женщин и детей), и почти 40 тысяч представителей других национальных меньшинств. В 67 железнодорожных составах их вывезли в Азию, в основном в Узбекистан. Приказ о депортации 1944 года был подготовлен Берией и подписан Сталиным 10 мая. И только

14 ноября 1989 года Верховный Совет СССР объявил депортацию незаконной.

А по сведениям, приводимым современной прессой Крыма, приказ о депортации 1944 года был подписан 11 мая Советом Обороны. Депортация крымских татар началась на рассвете 18 мая, и уже к 16.00 большинство семей было уже погружено в железнодорожные составы. 15 тысяч греков, 12,5 тысяч болгар и более 11 тысяч армян отправили в ссылку 27 – 28 мая 1944.

По официальной информации, в течение первого года после депортации умер каждый пятый высланный (данные общие для всех национальных групп). Но логично предположить, что процент погибших итальянцев выше среднестатистического, так как только они были депортированы зимой, а значит, гибли также и от холода. Мы можем утверждать, что в результате депортации по приблизительной оценке трагически погиб каждый четвертый представитель итальянской общины Крыма.

Выселение итальянцев осуществлялось теми же методами и в том же направлении, что и депортация других национальных меньшинств. Путь пролегал по территории семи республик, ныне независимых государств: Украины, России, Грузии, Азербайджана, Туркменистана, Узбекистана и Казахстана. Часть пути проделали по морю, часть по суше: морем из Керчи в Новороссийск, потом в запломбированных вагонах до Баку, оттуда через Каспийское море на пароходе и потом, снова железной дорогой, до Атбасара в Казахстане. Оттуда были расселены по баракам частью в район Караганды, частью в район Акмолинска и другие места вокруг. Там они были брошены на произвол судьбы, искали съедобные травы и корни чтобы не умереть с голоду, разбирали на дрова внутренние переборки дощатых барачных корпусов чтобы согреться. Известны случаи, когда люди, искавшие пищу, терялись в степи, где и умирали от холода или гибли от нападения волков.

Долгие годы депортированным было запрещено оставлять места высылки. В таких условиях многие умирали от болезней, голода и тяжелых условий жизни, как это ясно и широко показано в главе 5 «Говорят очевидцы». К леденящим душу воспоминаниям выживших мы и отсылаем читателя.

III. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИТАЛЬЯНСКОГО МЕНЬШИНСТВА В КРЫМУ

Ассоциация Итальянцев Крыма

После падения коммунизма и распада Советского Союза Украина стала независимым государством, а Крым, в статусе автономной республики, оказался её частью. Представители многих национальных меньшинств, Издавна живших на этой территории, попытались вернуться и объединиться.

Некоторые итальянцы смогли переехать в Керчь уже после смерти Сталина, в конце пятидесятых годов, другим это удалось в последующие годы. Всё их имущество (дома, земельные участки и т.д.) было конфисковано и не возвращено. Приходилось приспосабливаться. И дискриминация в отношении их продолжалась, поэтому многие предпочитали не афишировать свою национальность, которая, однако, была зафиксирована в свидетельствах о рождении и паспортах.

Сейчас итальянцев в Крыму (по крайней мере, тех, кто себя таковыми считает) более трёхсот, в основном в Керчи и Симферополе. По данным переписи населения 1989 года 316 граждан Украины назвали себя итальянцами. Они живут по всей территории, кроме компактной группы в Крыму (56 человек в Керчи и 11 в Симферополе).

Когда-то итальянцы жили и в Феодосии. Этот город известен в Италии как античная генуэзская колония Кафа. В городском музее и сейчас можно увидеть старинный фонтан с гербом Генуи, сооруженный в 1331 году генуэзским купцом. Здесь были даже улицы с названиями Итальянская и Генуэзская. Но во время последней переписи никто из жителей города не назвался итальянцем. Возможно потому, что в 1989 году многие ещё боялись открыто заявлять о своем происхождении.

Экономическая ситуация в Крыму и во всей Украине драматична. Безработица достигла высокого уровня, рост зарплат и пенсий не успевает за ростом цен и тарифов, и если бы ни «дачи» -маленькие участки земли, которые возделывает почти каждая семья- многие бы буквально умирали с голода. Только в последние годы наметилась тенденция к улучшению. Нестабильна и политическая ситуация. Но надежды на возрождение ещё не утрачена.

Однако Ассоциация Итальянцев Крыма, если быть точными, была образована ещё до развала Союза, но уже в климате перестройки. Её зарегистрировали в 1992 году и ещё по советским законам. Тогда только в Керчи более трехсот человек заявили о своём итальянском

происхождении. Не все семьи потомков итальянцев приняли участие в организации общества: кто-то побоялся, с кем-то не было контакта, некоторые просто не ничего не знали. Записалось около 340 человек (153 по данным Итальянского посольства). Первым председателем общества стала Маргарита Домениковна Лебединская, урожденная Леконте.

По данным последней переписи населения в Керчи живут представители более чем ста разных национальностей. Здесь создано 16 национальных обществ. Интересно вспомнить, как зарождалась Ассоциация итальянцев. Зимой 1992 приехал из Усинска (Республика Коми, Россия) Пётр Николаевич Пергало. У него было две цели: 1) создать объединение итальянцев (либо способствовать его созданию); 2) выяснить возможность возвращения в Керчь семей итальянцев. Он узнал, что с некоторых пор власти начали создавать условия для возвращения бывших депортированных, и интересовался, что для этого нужно. Но в отделе по делам депортированных ему ответили, что в списке народов, подвергавшихся преследованиям по национальному признаку, итальянцы не значатся. Об этой позиции украинских властей мы ещё поговорим подробнее.

Жившая в Дружковке Донецкой области родственница Сильвия Савельевна Скоччемарро снабдила Петра кратким списком адресов керченских итальянцев, и тот звонил им, навещал, убеждал не бояться и открыто заявить о себе, добиваться справедливости.

Пётр Пергало опубликовал в местной газете «Керченский рабочий» статью об истории итальянцев Крыма, где предложил всем потомкам эмигрантов из Италии объединиться и создать общество. Были и другие статьи, одну из них написала журналистка Валентина Терентьевна Солина. Публиковались также объявления о создании организации.

Но официально создать и зарегистрировать общество – дело долгое и сложное. Нужно ходить по конторам, ждать в очередях, просить, искать документы, выполнять разные требования и так далее. Выстояв большую очередь к чиновнику А, приходится идти к чиновнику Б, тот отправляет к В, и так далее до чиновника Я, который заявляет, что эта справка никому не нужна. К сожалению, Петру необходимо было возвращаться в Усинск, а длительная и тяжёлая бюрократическая процедура регистрации общества была ещё в самом начале.

Поэтому всю эту нелегкую работу взяла на себя Лариса Джаккетти Шишкина, которой добровольно помогал художник французского происхождения Игорь Сидоренко. Наконец все необходимые

документы были оформлены, написан Устав, и 28 августа 1992 года зарегистрировано Общество итальянской диаспоры Крыма.

Первым его председателем стала Маргарита Домениковна Леконте. В 1959 она вернулась с матерью из Казахстана, куда была выслана в годовалом возрасте вместе с семьёй. Её отец Доменико Леконте умер 8 августа 1947 года в Казахстане на урановых рудниках от болезни, связанной с работой. Ему было всего 38 лет. Дедушка Маргариты, Бенон (Бруно) Леконте, был арестован в 1938 году и приговорён к ссылке, где и умер спустя пять лет.

Вспомним также историю семьи Галины (Грациеллы) Евгеньевны Сколярино, которая возглавляет Ассоциацию итальянцев Крыма теперь. Маме Галины и её сестры Елизаветы, Полине Коланджело, в момент депортации было 17 лет. Теперь она снова живет в Керчи. А брат Полины погиб. Он был моряком, плавал на корабле советского торгового флота, и как-то во время стоянки в итальянском порту встретился с одним из вернувшихся в Италию братьев. Из-за этого он был обвинен в измене и казнён. Отец Полины, Винченцо Коланджело, был капитаном дальнего плавания советского флота, он умер в депортации.

Можно было бы рассказать здесь не менее трагичные и интересные истории других семей крымских итальянцев, таких как Альбрицио, Бароне, Бельтранде, Бенетто, Биочино, Ботто, Гамма, Гарибальди, Де Пинда, Делолио, Джануци, Ди Пиерро, Ди Фонсо, Еванджелиста, Карбоне, Кардоне, Кассанелли, Кроче, Кутто, Лаго, Лаголузо, Лагорио, Мафиони, Мизиано, Ненно, Паренти, Пергало, Петринко, Порчелли, Ранио, Симоне, Скаринджи, Скоччемарро, Спадавеккья, Спадони, Фабиано, Цингарелли и многих других.

В советское время многие старались скрыть своё итальянское происхождение, которое создавало трудности при приёме в высшие учебные заведения и т.д.

С 1992 по 1997 год Посольство Италии в Украине получило 47 заявлений о возобновлении итальянского гражданства, но только двое получили положительный результат на основании Закона о гражданстве от 1992 года. Трудно найти документы, которые требует итальянское дипломатическое представительство. Многие личные бумаги затерялись или не сохранились во время депортации, что-то было изъято как «вещественное доказательство» сфабрикованных дел о шпионаже. К тому же итальянское консульское представительство не проявляет ни особого стремления помочь, ни большого сочувствия к этим соотечественникам, которым довелось пережить столько

несчастий. Профессор Виньёли пытался связаться по этому поводу с властями Италии, но встретил только равнодушие и инерцию.

Большинство документов, которые могли бы подтвердить гражданство, утрачены. В Государственном Архиве Симферополя почти ничего не удалось найти. Есть там список семей итальянского происхождения, но без указаний на гражданство. В советских паспортах указывалась национальность, но в новых украинских документах такая графа не предусмотрена. Единственным подтверждением итальянского происхождения для многих остаются записи в свидетельстве о рождении. Но для властей Италии этого недостаточно, для них важны сроки выхода из гражданства, а не понятие национальной принадлежности. То есть, правительство хотело бы иметь доказательства, что эти итальянцы были гражданами Италии (имели итальянские паспорта) в довоенный период, до того как стали советскими гражданами.

Один из авторов этой публикации, Джулио Виньёли, обратился в Государственный Архив Министерства иностранных дел в Риме с запросом, сохраняли ли итальянцы Крыма до депортации гражданство Италии. Он предполагал, что нужная информация может быть найдена в документах Итальянского Консульства в Одессе и Посольства в Москве за этот период. К сожалению, поиски не дали пока конкретных результатов.

Плачевное экономическое состояние потомков итальянских эмигрантов делает сложными, если не невозможными, поездки из города в город в поисках нужной информации по архивам бывшего Союза. Чтобы попасть в консульство или в посольство в Киев, нужно сутки ехать поездом. А сотрудники посольства и консульства, конечно же, не дают себе труда приехать в Керчь и встретиться с людьми.

Чтобы доказать основательность утверждения, что итальянцы оставались гражданами Италии и в советское время, можно привести такой случай. В одной семье потерялся итальянский паспорт, получили дубликат, а через некоторое время нашелся и оригинал. Когда потом итальянские документы меняли на советские, один из двух паспортов остался на руках. И именно это позволило потом восстановить итальянское гражданство. Напомним и уже цитировавшиеся воспоминания Роботти: «почти у всех были ещё итальянские паспорта».

Федеративная республика Германия, основываясь именно на ценности понятия Нации, создала немцам Поволжья и другим своим соотечественникам в бывшем Советском Союзе условия для

возвращения на родину предков. И маленькая Греция так же поступает с греками Причерноморья. Эти потомки немецких и греческих колонистов, конечно же, никогда не имели немецкого или греческого паспорта, поскольку их предки поселились на территории Российской империи несколько веков назад, еще до создания государств Германии и Греции (кстати, первая была разделена на множество княжеств, а вторая находилась под турецким владычеством). В последнее время и Украина помогает соотечественникам за рубежом, им стало легче получить гражданство. Подобную политику проводит теперь и Россия.

На фоне таких решений ещё непонятней и обидней для итальянцев Крыма тот факт, что Итальянская республика отвергает соотечественников. Тем более что их всего несколько сотен. И пусть не вводят в заблуждение фамилии. В смешанных браках женщина берет фамилию мужа, но это не означает, что национальный итальянский дух пропал. Во многих случаях итальянские фамилии были русифицированы, часто по горькой необходимости.

Например, жила в Керчи семья Де Мартино: мать, отец и трое взрослых сыновей. Когда итальянцев депортировали, один из сыновей, Сергей (Серджо), вынужден был проститься с беременной невестой. Все трое братьев уже в ссылке были арестованы и приговорены к смерти, в последний момент казнь заменили каторжными работами. Выжил только Сергей. Когда он вернулся, дочка была уже большой и носила фамилию матери. Сергей Пасквалович Де Мартино описал всё это в уже цитировавшихся воспоминаниях, оригинал которых хранится сейчас в музее Магадана.

А вот другая история. Виталий Басси ещё в детстве остался сиротой, воспитывался в русской среде и мало что знает об итальянских предках. Его дочь Евгения долгие годы искала возможность восстановить связи с соотечественниками, изучить язык предков (к слову сказать, ещё лет 15 назад в Керчи было практически невозможно приобрести даже обыкновенный русско-итальянский словарь). Узнав о создании в городе итальянского общества, она сразу же в него вступила. Сейчас она живёт на архипелаге Маддалена недалеко от Сардинии. Поехав в Италию, как и множество женщин из Украины, на заработки, эта дочь итальянца не пользуется на родине предков никакими преимуществами. Она была бы рада приехать туда с другой целью и другим образом, но так уж сложилось. На Украине она была итальянкой, в Италии её считают украинкой.

Пётр Джаккетти в 1938 году был арестован и расстрелян по обычному ложному обвинению в шпионаже в пользу Италии. Его жена

исхитрилась, чтобы фамилию в документах переписали на русский манер «Жакетина», и с маленькой дочкой Кларой переехала в другой город. И кто может осудить её за стремление защитить себя и ребенка?

Римско-католическая церковь с прекрасным классическим портиком была построена, как уже говорилось, итальянцами в первой половине девятнадцатого века. В советское время там был устроен спортзал, и только в 1994 году она была снова открыта для отправления культа. Здание католикам возвратили в аварийном состоянии и его обустройство ещё не закончено.

В девятнадцатом веке на фасаде церкви была доска с надписью на латыни или итальянском (сейчас трудно установить точно). После депортации итальянцев храм стал использоваться не по назначению, и вместо той доски установили другую, с надписью, что здание является памятником архитектуры под охраной государства. Недавно эта металлическая доска была похищена неизвестными ворами. По всей вероятности её сдали в металлолом – ведь крадут металлические кресты и таблички с кладбища, оградки и всё что можно с дачных участков.

Сейчас приходом руководит польский священник отец Казимир Людовик Томасик. А большинство прихожан – поляки и итальянцы. Последние хотели бы, чтобы кроме всеми уважаемого отца Казимира в храме хотя бы время от времени служил также и итальянский священник, что помогло бы возрождению итальянских религиозных традиций и способствовало бы лучшему изучению языка.

Кстати, в том, что единственная в городе католическая церковь была спасена от разрушения, тоже заслуга уже упоминавшейся Ларисы Шишкиной. В последние годы здание уже не использовалось как спортивный зал из-за плохого состояния, оно буквально разрушалось. У горсовета не было денег на восстановление, но и снести памятник архитектуры тоже было недопустимо. Одна религиозная секта подала заявку на здание, обещая отремонтировать его за свой счет. Слава Богу, об этом стало известно Ларисе. Срочно нужно было организовать католический приход не менее чем из десяти человек и найти священника. В августе 1992 года из Ялты приехал отец Роман Декдзуак, а вскоре Лариса отправила письмо в Ватикан и получила ответ за подписью Папы Римского Иоанна Павла II.

Работы по восстановлению церкви начались под руководством отца Романа, но мессы поначалу служились перед храмом или на квартирах прихожан, всего пару раз в месяц (когда священник мог приехать в

Керчь из Ялты). Потом из Польши приехал отец Казимир, и через некоторое время церковь вновь открылась для верующих.

Нет сомнений, что эта маленькая община, даже не имея в течение стольких лет связей с родиной, сохранила живой итальянский дух. Во многих семьях сохраняются религиозные традиции предков, Бефана кладет детям конфеты в носочки или под подушку, а Святой Николай не забывает принести какую-нибудь книжку или цветные карандаши.

К сожалению, большинство итальянцев Крыма сейчас почти не знают язык предков, что в свете всего вышеизложенного и не удивительно. Ещё Роботти писал: «Чтобы вполне понимать этих итальянцев, необходимо было говорить по-русски или на старом барийском диалекте итальянского языка». По его же информации, дети, которые после окончания четырехлетней итальянской начальной школы хотели продолжить изучение языка, могли посещать вечерние курсы преподавателя Ди Джованни. «Учеников – писал Роботти – было всего несколько десятков, потому что многие семьи предпочитали отправлять своих детей в местные советские школы». Ему в голову не приходило, что такое решение было вынужденным.

Не так давно в Керчи был создан Комитет Общества Данте Алигьери (эта организация занимается распространением итальянского языка и культуры за рубежом). Благодаря Посольству Италии в Керчь были отправлены книги по итальянскому языку, а представители Киевского Института итальянской культуры провели серию занятий. Так что в последнее время желающие выучили язык предков и неплохо им владеют.

В тридцатых годах прошлого века (то есть, ещё до депортации) русский филолог Владимир Федорович Шишмарёв изучал итальянцев Крыма и их речь. В книге «Романские поселения на Юге России» (последнее издание – Ленинград, 1975 год) он назвал их говор уникальным примером романской языковой группы на территории Советского Союза.

Летом 1998 года в Керчь приехали несколько депутатов итальянского Парламента, Посол Италии в Киеве и несколько представителей Апулии. Они встречались с итальянской общиной и мэром Керчи О.В.Осадчим. Много было обещаний, планов и радужных надежд: побратимство между Керчью и апулийскими городами, проезд детей керченских итальянцев на каникулы в Италию, приобретение параболической антенны для приема передач итальянского телевидения, рабочие контракты для представителей общины и т.д., и т.п. Насколько нам известно, ничего до сих пор не реализовано, если не

считать проведения (в течение одного учебного года) курсов итальянского языка и двух стипендий для обучения в Италии, которые получили две керченские девушки: Галя Сколярино Буркаль и Наташа Де Лерно Токарева. Итальянское посольство не проявляет интереса к жизни итальянского меньшинства и даже не отвечает на письма. Вообще речь идет о этически постыдном поведении (в телефонном разговоре с Джулио Виньёли Консул назвал фикцией какие-либо действия в пользу итальянцев Керчи).

Ещё серьезнее тот невероятный факт, что власти Украины до сих пор не признали официально депортацию итальянцев, ссылаясь на нехватку документов. Спрашивается, чего ещё ожидает итальянское посольство и почему не предпринимает энергичных действий? Только однажды, несколько лет назад бывший посол Италии Йоланда Брунетти провела частные переговоры с Председателем Совета министров Автономной республики Крым.

IV. ИТАЛЬЯНСКАЯ ДИАСПОРА В РОССИИ, КАЗАХСТАНЕ, УЗБЕКИСТАНЕ И Т. Д.

Даже когда уже не было запрещено покидать места депортации, в Крым смогло вернуться всего около 10% высланных итальянцев. После отъезда из Казахстана многие поселились в России, небольшие группы или отдельные семьи рассредоточены по всей территории Российской Федерации. Некоторые семьи остались в Казахстане либо ближайших к нему республиках (в основном в Узбекистане). Другие, как уже упоминалось, поселились в Донецком регионе Украины (семья Скоччемарро и др.).

Сколько их может быть всего, трудно уточнить, тем более что многие десятилетиями скрывали своё происхождение и пережитые преследования. Несколько лет назад Павел Еванджелиста (см. главу 5), организовал в Саратове Ассоциацию итальянцев России. Он попытался найти, переписать и скоординировать всех соотечественников. Но отсутствие помощи со стороны итальянских властей (которые демонстрируют попросту неблагородную бесчувственность к вопросу депортации итальянцев), абсолютная глухота властей российских и сложности жизни заставили Павла Эдуардовича отказаться от этой миссии (см. главу «Говорят свидетели»). Нельзя пренебречь тем ущербом, который это нанесло с точки зрения не только культурной и научной ценности, но и человечности.

Скажем вкратце об итальянцах, оставшихся в Казахстане. Караганда, куда многие были высланы, долгие годы оставалась «закрытым» городом. Оттуда нельзя было уехать без разрешения, как из огромного концлагеря. Этот искусственный город был создан как место сосредоточения тысяч депортированных. Многие годы итальянцы не могли выехать оттуда и попытаться вернуться в Крым.

До недавних пор итальянцы Казахстана регулярно собирались у кого-нибудь дома чтобы пообщаться. Теперь уже нет, потому что старики поумирали с мечтой об Италии, далёкой Родине, а у молодых другие мысли: о работе и выживании. В результате по данным последней переписи населения в Казахстане только 365 человек заявили о своём итальянском происхождении.

Несколько лет назад ими заинтересовался посланник Папы римского в Казахстане монсеньер Эдоардо Канетта, который направил тогдашним Президенту Итальянской Республики Скальфаро и Министру иностранных дел Фассино прошение по случаю их официального визита в Казахстан. «Сейчас неподходящий

политический момент» - был ответ, и на этом всё закончилось. Монсеньер Канетта рассказал обо всём этом Джулио Виньёли у себя дома в Милане 9 февраля 2002 года.

Вопрос о возвращении в Крым итальянцев из России, Казахстана, Узбекистана сегодня не актуален. После распада СССР между ними и Керчью пролегло множество границ. Бывшие советские республики стали полностью независимыми государствами и живущие там итальянцы автоматически получили соответствующее гражданство. И теперь они могут приехать в Крым только как туристы, ведь в Украине они – иностранцы. А значит, кроме дальности и дороговизны переезда возникают проблемы с документами. Без украинского паспорта и легального статуса они не смогут найти работу, получать пенсии, записать детей в школу, лечь в больницу, а значит, не поселятся в Керчи. Если бы факт насильственного выселения итальянцев был признан, эти люди попадали бы под действие закона о депортированных, имели бы право вернуться и получить гражданство Украины. Но, как уже говорилось, депортация итальянцев Крыма до сих пор не признана официально правительством Украины. Так что итальянцы дискриминированы и в этом отношении.

Джулио Виньёли обратился к Послу Италии в Украине госпоже Йоланде Брунетти с вопросом, почему до сих пор Украина не предоставляет итальянцам Крыма статуса депортированных. В ответ услышал только, что такое признание не принесло бы им никаких материальных благ. Во-первых, это не соответствует истине: статус депортированных даёт права и льготы, пусть небольшие, но в условиях Украины весьма существенные. К тому же, госпожа Посол ещё и забыла о моральном аспекте.

Официально признаны депортированными крымские татары, немцы, болгары, армяне и греки, но не итальянцы. 18 мая в Украине посвящено памяти депортированных, но и в этот день об итальянцах даже не упоминается. Их трагедия словно затерялась в безбрежном океане жертв коммунизма. В мае 2003 в Керчи был установлен небольшой памятник (гранитная глыба с табличкой) в память о депортированных горожанах. Но и здесь итальянцы не упомянуты.

Однако было бы справедливо упомянуть, что благодаря горисполкому и его председателю Олегу Владимировичу Осадчему в Керчи существует Дом Дружбы «Таврика», где каждое национальное общество, зарегистрированное в городе, имеет свою комнату. Такой Дом Дружбы – единственный в Крыму. Если бы его не было, национальным общинам пришлось бы самостоятельно искать, брать в

аренду и оплачивать помещение. Думаю, для малочисленного итальянского общества это было бы непосильно дорого.

Короче говоря, итальянцы Казахстана, Узбекистана, России и других бывших советских республик не могут вернуться в Крым, а живущие в Крыму не пользуются даже теми мизерными преимуществами, которые предусмотрены для других национальных меньшинств, подвергшихся насильственному выселению.

Вся дорога из Керчи в Казахстан полита слезами и кровью, усеяна костями погибших, у которых нет даже могил. И на всём этом Крёстном пути даже памятного знака нет, куда можно было бы возложить цветы в память о жертвах.

V. ГОВОРЯТ СВИДЕТЕЛИ

**Издалека доходят голоса,
мучительные мольбы переживших геноцид.
О Республика, какого бы цвета ни было твоё правительство,
неужели ты настолько глуха к требованиям морали?**

I

Воспоминания Бартоломея Францевича (Бартоломео) Еванджелиста.

В 1999 году, когда Джулио Виньёли о нём узнал, Бартоломей Францевич Еванджелиста проживал в городе Саратове на Волге (Россия). Было ему в то время 84 года. Через несколько лет он умер, так и не осуществив свою величайшую мечту: посетить Италию, Родину предков, которую он никогда не видел. К сожалению, это произошло также из-за равнодушия Итальянского посольства в Москве! Напомним, что Бартоломео пострадал (как описывается в его воспоминаниях) именно за то, что был итальянцем. Его внук Павел встретился с Джулио Виньёли во время своей поездки в Италию. Как уже говорилось, Павел Еванджелиста пытается создать Общество итальянцев России.

Воспоминания Бартоломео Еванджелиста, сардонически озаглавленные «Каникулы под красным флагом, или Злоключения итальянцев в России», были напечатаны в газете «Саратовские вести» 22 июля 1992. Публикации предшествовало острое предисловие А. Куликова, который писал: «Записки Бартоломея Францевича Еванджелиста напоминают те судовые журналы, которые вели его предки, керченские мореходы. Этот сухой и точный отчет о пережитом действительно стал судовым журналом последнего плавания корабля под алыми парусами, даже если экипаж оказался запертым в трюме, а на мачте развевался красный флаг».

Предоставим слово самому Бартоломео Еванджелиста:

«29 января 1942 года из КПЗ меня отвели к майору Хватову, начальнику НКВД Керчи.

Он сидел в конце длинного стола в просторном кабинете на втором этаже зелёного здания на улице Ленина, и, обратившись ко мне, сказал: «Вот, Бартоломей, я помню твоего отца с тех времён,

когда мы бегали без штанов. Сейчас ты поедешь в Камыш-Бурун¹, где собраны уже все итальянцы Керчи. Мы отправляем вас на восток. Запомни, «Око за око и зуб за зуб».

Три «сокола» отвезли меня домой на грузовике. Дома уже не было ни жены, ни сына. В Камыш-Буруне среди полуразрушенных корпусов завода торпедных катеров слышался шум толпы. Здесь были все итальянцы, от детей до стариков. Была глубокая ночь. На рассвете людей с их жалким скарбом посадили в грузовой трюм парохода «Калинин» и отправили в Новороссийск. Туда мы прибыли около пяти часов вечера. Люди были высажены на причал, где и провели ночь под открытым небом.

31 января итальянцев погрузили в вагоны для скота и через весь Кавказ повезли в Баку, где под конвоем отвели в общественную баню для дезинфекции. Вечером того же дня людей погрузили на пароход, который пересек Каспийское море и привёз нас в Красноводск². В Красноводске нас снова погрузили в товарные вагоны, оборудованные двухэтажными нарами и с печками-буржуйками в каждой половине вагона. В каждый вагон входило около 50 человек, всего было десять вагонов. Из Красноводска эшелон с итальянцами отправился в северный Казахстан. Мы дежурили в своих вагонах, поддерживали огонь в печках, искали уголь, наводили порядок.

На станциях, где останавливался эшелон, нам несколько раз выдавали по 200 г хлеба, если начальнику поезда удавалось организовать выдачу продовольствия. Если не удавалось, то нам нечего было есть. В дороге мы провели 36 дней. Такое медленное продвижение поезда объясняется тем фактом, что тот по несколько дней стоял на запасных путях полустанков и станций.

5 марта 1942 года поезд с депортированными гражданами прибыл, наконец, на станцию Атбасар Акмолинской³ области. Была ночь, 30 градусов ниже нуля. По обе стороны от эшелона стояли сани с шубами и валенками, и бригадиры, отправленные колхозами, приглашали людей в свои сёла. Наша семья поехала в деревню Спасское. В дороге у моей сестры Лины умерли двое сыновей из четырех, я их оставил в вокзальных медпунктах, одного на станции Карталы, второго не помню где. Наша семья состояла из 11 человек: мои мама, дядя, бабушка, сестра, жена, я и

¹ Пригород Керчи, где был завод и грузовой порт.

² Ныне Туркменбаши.

³ Теперь Акмолинск называется Астана, с 1997 года этот город стал столицей Казахстана.

пятеро детей. Через полгода, в сентябре 1942 года мы остались впятером: мать, сестра, жена, я и старшая дочь моей сестры. В других семьях ситуация была не лучше. Из семи членов семьи Симоне осталось двое, в семье тёти Де Мартино тоже выжило два человека из пяти, и т.д.

В деревне людей распределили по домам солдаток, которые относились к нам сочувственно и доброжелательно. Мы с женой жили у солдатки Клавдии Горборукой. В колхозе «Заветы Ильича» с первых дней мы занимались работами по дому, участвовали в посевной, пахоте, жатве, вручную сеяли пшеницу, обрабатывали землю мотыгами и бороной.

В августе 1942 года по моим настойчивым запросам НКВД города Атбасар разрешило нам с женой переехать в город Аральск. В Аральске я устроился работать главным инженером флота Аралгосрыбтреста. Но в ноябре 1942 года я получил повестку явиться с документами в военкомат. На следующий день меня и двух братьев финского происхождения в сопровождении лейтенанта отправили в Челябинск на строительство индустриального металлургического комплекса, который сооружался под руководством НКВД.

В Челябинск были перевезены металлургические производства из Керчи и Липецка. На территории стройплощадки было 15 лагерей, где содержалось более чем 90 тысяч человек в возрасте от 15 до 65 лет: немцев, итальянцев, венгров, румын, поляков, финнов, западных украинцев, белорусов и даже узбеков из Ферганской долины. Они все были советскими гражданами⁴. Я работал механиком шестого строительного управления. Строительство индустриального металлургического комплекса началось с забивания свай в начале 1942 года, а в мае 1943 года он уже давал сталь для фронта.

В Челябинске жильём служили ветхие бараки с нарами в два этажа, между двумя опорами жило 5 человек. Можно было спать только на боку. Постелью служил свой ватник или пальто. Пища – суп из «хряпа» (верхние зеленые листья капусты) с гнилой картошкой. Каждый день после смены караула из нашего лагеря

⁴ речь идет о трудармии, принудительных работах, к которым привлекались не только депортированные, но и представители других «подозрительных» или «провинившихся» народов. В то время среди них еще не было крымских татар, греков и чеченцев

вывозили на санях под брезентом 10-12 трупов. До конца года в нем осталось менее половины заключенных.

Однажды после работы меня позвали в помещение охраны и посадили в камеру изолятора, откуда через три дня отправили в оперативный отдел НКВД. За два месяца, которые я там провел, следователь Шевченко Александр Александрович «работал» со мной только три дня, в течение которых вызывал меня на допросы по три раза в сутки. Потом тюрьма Челябинска, в камере было около 130 человек. В тюремную канцелярию каждую ночь вызывали 8 человек и сообщали, кому сколько лет лагерей по приговору Особого совещания НКВД СССР.

В первых числах марта 1944 года я попал в группу заключенных, отправляемых по этапу на Север. В пути нам давали 130 грамм солёной рыбы и 100 грамм сухарей в день. Вместо воды – три ведра снега на вагон. Однажды заключенным три дня ничего не давали есть. В каждом вагоне было 70 человек. В отчаянии люди бросились на металлические решетки, отделявшие заключенных от охранников, и начали раскачивать вагон. Тогда начальник охраны убедил заключенных успокоиться, обещая накормить чем-нибудь. Он взял из пайка охранников полтора килограмма сухарей и дал их дежурному. Их аккуратно поделили на всех при помощи весов, и каждый получил свой кусочек сухаря.

Этап прибыл в Воркуту в начале апреля 1944 года. Всех заключенных пришлось разместить в бараках для больных, потому что не было сил даже идти. Меня направили работать на рудник № 1 «Главный». [...] В бараке инженерно-технического персонала, где я жил, были разные люди, но все образованные: Иван Михайлович Гронский, бывший главный редактор газеты «Известия», киносценарист Алексей Яковлевич Каплер (автор сценариев фильмов «Ленин в октябре», «Ленин в 1918 году», «Котовский» и др.). В нашем лагере была дочь Рыкова. [...]

В 1947 году всех заключенных рудника № 1 перевели на рудники № 2 и № 5, в то время как «Главный» был укомплектован новой партией ссыльных. У всех заключенных на шапках из мешковины впереди был написан черной краской номер. На спине ватника был пришит кусок ткани с тем же номером, который повторялся также на правом колене.

Перед сменой караула «художник» осматривал всех и кисточкой наводил номера, которые было плохо видно. Перед воротами лагеря бригада заключенных становилась на левое колено, а

дежурный офицер громко докладывал: «Передал 35 врагов Родины», другой офицер лагеря орал: «Принял 35 врагов Родины. Встать!». И бригада отправлялась на рудник добывать уголь».

II

Воспоминания Анджелины Кассинелли, уроженки Бишелье.

«Мы оставались в Казахстане до 1947 года. Со мной были дедушка Бенедетто Сальваторе, мама и брат. Мы смогли взять с собой только 32 килограмма вещей, по восемь на человека. У нас забрали наши дома и никогда не вернули. Мы прибыли в марте и никто нас там не ждал. Все нас боялись и избегали как заразных. Нам не было даже во что переодеться. Председатель колхоза говорил: «Хотите хлеба, идите к Муссолини». Все переболели сыпным тифом, многие умерли. А кто не умер от болезни, умер от голода и постоянных обид. А когда закончилась война, мы перебрались в город Акмолинск. Но и там нам не давали работу. Но мы всё равно упорно говорили, что были и остаёмся итальянцами. Всех наградили медалями, а нам ничего не дали!».

III

Воспоминания Паолы Еванджелиста:

«Я очень хорошо помню тот день 29 января 1942 года. Приехала машина НКВД, нам сказали, что мы подлежим депортации. На сборы дали полтора часа. Мы могли взять с собою только восемь килограмм вещей на человека [...]. У майора Хватова был список итальянцев [...]. Нас собирали в разных местах: школах, столовых. Нас отвезли в Новороссийск, потом погрузили в 10 вагонов для скота. В этом поезде мы ехали два месяца. Умикали дети. Мои сыновья двух и пяти лет умерли, как и все, от сыпного тифа и воспаления лёгких. Когда мы приехали в Казахстан, нам сказали: «Вас сюда выслали, чтобы вы здесь все

поумирали!» В наших документах поставили штамп «спецпереселенец».

IV

Из писем Петра Николаевича Пергало, проживающего ныне в городе Усинске (Республики Коми, Россия).

«Мой прадед Никола Басси уехал из Италии в США (за это его прозвали «американцем»), но в Америке ему не понравилось. Потом он обосновался в Керчи. Здесь вместе с сыном на собственном корабле «Санта Мария» перевозил грузы по Черному морю, успешно занимался торговлей. В это время началась массовая миграция итальянских крестьян из Трани и Бишелье в Керчь.

Моя тётя Лора Джаккетти, дочь зажиточного крестьянина Саверио, вышла замуж за моряка Паоло Скоччемарро, двоюродного брата моего деда Гаетано. В 1934 году семью выслали из Керчи (в Италию), и Лора родителей больше не видела.

Из Новороссийска выслали семью служащего итальянского консульства Винченцо Коланджело. Его жена Тереза Басси - родная сестра моей бабушки Анжелины. Их старший сын Франческо был разлучен с русской женой и дочерью, которые остались в Одессе, в Италию они не попали.

Только в 1970 году Франческо увиделся с женой, когда был с сёстрами в Дружковке, то есть спустя 35 лет! В Италии он так и не женился.

Более того, итальянское правительство второй раз подставило крымских итальянцев, отправив мужчин в 1941 году воевать с СССР, в основном в качестве переводчиков. Понятно, что в битве за Дон многие из них погибли».

«Большевики расстреливали наших родителей именно за их национальную принадлежность, и тогда никто не интересовался гражданством. Если итальянец, значит «итальянский шпион». Был казнён даже потомок Гарибальди из Феодосии! Именно поэтому многие старались, чтобы в документах детей в графе национальность было написано «русский». Я горжусь, что в возрасте почти 40 лет сумел восстановить в паспорте итальянскую

национальность, хоть и ненадолго (в современных паспортах России и Украины графа «национальность» отсутствует).

V

Воспоминания Леониды Фердинандовны Риццолатти (из её письма, отправленного Петру Пергало в 1999 году).

«Примерно в 1894 году семья Риццолатти из Северной Италии (г. Удине) приехала в поисках работы на Украину, в город Коростышев Житомирской области.

Семья состояла из моего деда Риццолатти Петра Яковлевича и двух его сыновей: Фердинанда Петровича (моего отца) и Якова Петровича, сестёр Елены, Лёли и бабушки (имя её я, к сожалению не помню). В Коростышеве они обосновались и открыли мраморное дело. Дедушка и его сыновья были скульпторами. Они были первооткрывателями (из итальянцев) скульптурного дела на Украине.

Спустя несколько лет семья переехала в Киев, где они построили для себя частные дома, которые сохранились по сей день (по ул. Красноармейской 32 - бывшая Большая Васильевская – три дома; и ул. Кропивницкого 4).

Мой отец Фердинанд Петрович родился в 1872 году. В 1908 году отец женился на молдаванке Якимовой Леониде Ферапонтовне 1889 года рождения. У них родилось 5 детей:

1910 родилась Иоланта;

1912 родился Умберто;

1921 родился Альпино;

1923 близнецы Леонида (это я) и Фердинанд.

Примерно с 1933 года отец начал работать в Житомире, где изготовлял памятники. В 1936 отец умер в возрасте 64 лет. К сожалению, в каких годах умерли бабушка и дедушка – я не помню, так как была мала.

После смерти отца Фердинанда Петровича итальянское консульство берет опеку над несовершеннолетними его детьми. И семья получает помощь. Для того, чтобы получать ежемесячно пособие на несовершеннолетних братьев и сестру, моя старшая сестра посещала итальянское консульство. Нашу семью постоянно преследовали, так как мы были итальянскими подданными. Нам

часто угрожали, маму неоднократно вызывали на допросы в НКВД. В 1938 году итальянское консульство было ликвидировано.

В 1938 году сестру Иоланту арестовывают, ей в то время было 28 лет. А её дочери Адели 4 года. Многократные запросы по выяснению причин её ареста были безрезультатны. Ответ был один: осуждена на 10 лет строгой изоляции без права переписки. И только спустя годы после длительных поисков прислали нам ответ, что она была реабилитирована в 1989 году (посмертно). Мою сестру обвиняли в передаче шпионских сведений секретарю итальянского консульства Балловичу. Военный трибунал дал нам возможность ознакомиться с документами по делу моей сестры. Как мы узнали из протокола, её расстреляли спустя полтора месяца после ареста без суда и следствия (приговор «тройки»).

Из-за преследований мой старший брат Умберто в 1933 году уехал в Челябинск. Сколько мы не пытались узнать о его судьбе, никто вразумительного ответа не дал. Так что и по сей день мы ничего о нём не знаем.

О судьбе другого брата Альпино я знаю, что в 1941 году он ушел на фронт и о его дальнейшей судьбе ничего не известно.

Мой брат близнец Фердинанд Фердинандович живёт с семьёй в городе Белая Церковь Киевской области, работает шофером, имеет двух дочерей.

Несколько слов о себе: я работала около 40 лет в торговле кассиром. С февраля 1992 года не работаю. Очень болею глаукомой, являюсь инвалидом по зрению второй группы. Очень плохо вижу. Живу с мужем и дочерью».

VI

Наталия Токарева о своей бабушке Полине Савельевне Де Лерно, рожденной в Керчи в 1915 году.

«Моя бабушка чистокровная итальянка. Её мама, урожденная Симоне Розалия Марковна, была старшей дочерью в семье Марко Симоне и его жены Полины. Было у них 5 дочерей (Розалия, Анна, Мария, Полина, Варвара) и сын Сергей, который в 1935 уехал в Италию с семьей и след его затерялся.

Сам Марк Симоне прибыл в Керчь из Италии, скрываясь от преследований, примерно в 1870 году. Он был участником национально-освободительного движения итальянского народа против иноземного господства («Рисорджименто»), сражался в отряде Джузеппе Гарибальди. Умер в Керчи в возрасте 100 лет и просил похоронить его в красной рубашке – символ борьбы за освобождение Италии.

Свою старшую дочь Розалию он выдал замуж за braveго моряка Савелия Де Лерно, которого светлоокая Розалия называла «тараканом» за его черные усы и смуглую кожу. Но жили они счастливо, и было у них 5 детей: Долората, Дебенедикт, Полина, Марк и Антонина.

Полина – это и есть моя бабушка. На ее долю выпало много испытаний, которые обрушились на людей этого поколения в XX веке: Первая мировая война, революция в России, голод, Вторая мировая и отечественная война.

Первые удары судьбы начались после того как судно, на котором плавал её отец, было интернировано в Турции и семья осталась без кормильца. Мама как могла работала и кормила детей, дети тоже работали, кто на баштане, кто на поденной работе. Отец вернулся из плена больным и вскоре умер. В стране в это время начался голод, болезни, тиф. Бабушку (ей было 12 лет) в тифу без сознания увезли в больницу. Очень долго и тяжело болела, но выздоровела.

Нужно было жить и помогать матери и семье. Она закончила 7 классов школы и поступила в школу бухгалтеров, после окончания работала на разных предприятиях. В Керчи началось строительство завода «Азовводстрой», ныне завод «Залив» и бабушка устроилась туда на работу. Там познакомилась с моим дедушкой Володченко Василием Андреевичем. В 1937 они поженились, а в 1939 у них родилась дочь, моя мама Наталия Васильевна.

В 1941 году началась Великая Отечественная война. Немецкие войска заняли Керчь. Бомбежки, налеты, смерть и ужас. Немецкие солдаты проводили облавы, обходили с автоматами уцелевшие после бомбежек дома. В нашем доме было бомбоубежище, там спрятались жильцы и раненые советские солдаты. Немцы вывели всех из убежища, раненых солдат поставили к стене дома на расстрел и тут увидели бабушку – её черные вьющиеся волосы, нос с горбинкой – и заорали «Юде! Юде!»; схватили её с ребенком

(моей маме тогда было 2,5 года) на руках и тоже потащили к стенке. Но соседка Оля, которая знала немецкий язык, закричала: «Найн! Найн! Она итальянка!». Немцы бросили бабушку: «О гут! Гут! Итальянцы – наши друзья!» Расстреляли солдат и ушли.

Вскоре Керчь была освобождена советскими войсками от немцев.

Наступил январь 1942 года. В один из дней января в дом постучали уже советские солдаты: «Итальянка, собирайся на выход, 2 часа на сборы, ты подлежишь высылке из города! Италия воюет на стороне Германии, поэтому все итальянцы подлежат депортации».

Вместе с другими итальянцами бабушку с ребенком отвезли в порт, посадили на корабль и отправили из Керчи.

Только корабли (их было несколько) вышли из порта, как налетели немецкие самолеты и начали бомбить. Матросы загнали всех в трюмы, задраили люки. Люди кричат, плачут, кто-то в истерике бьется в темноте, обезумев от страха. Наконец налет кончился, самолеты, отбомбившись, улетели. В результате несколько катеров с людьми было потоплено. Но тот, в котором была бабушка, уцелел и дошел до Новороссийска. Там депортированные были пересажены в товарные вагоны и отправлены в Казахстан.

В дороге отцепляли по 1 – 2 вагона с людьми, оставляли на жительство, остальные двигались дальше. Бабушку высадили в селе Вишнёвка Акмолинской области. Холод, мороз, есть нечего, жить негде. Кое-как разместились в колхозе «Красное озеро». Бабушка пасла овец. Вскоре бабушка свалилась в тифу, её увезли без сознания в больницу, в другой район. Ребенок остался один на произвол судьбы: где-то бродил, где-то скитался. Подобрала её русская многодетная семья дядьки Карпа, кое-как приютила. Когда бабушка выздоровела и приехала из больницы, нашла свою дочь, увидела и не узнала: вся она была покрыта коростой, оборванная, больная. Но бабушка была рада, что нашла ребенка живым. После этого она устроилась на строительство железной дороги Акмолинск - Карталы, и осенью вместе с обозом, который вез урожай в районный центр, уехала.

Все вынесла бабушка: и тяжелую каторжную работу, и холод, и голод, и малярию, которая изматывала её до предела. Вынесла все, сама осталась жива и ребенка спасла, и всем помогала,

особенно итальянцам - керчанам, которые буквально вымирали от голода и болезней.

Никогда не жаловалась, никому о своих страданиях не рассказывала, поэтому особых подробностей о её мытарствах никто и не знает, а кто сам знал, того уже нет в живых. Время поглотило всех и вся.

В 1947 году вернулась в Керчь – разбитую, разрушенную до основания войной. Но надо было жить! И бабушка выжила, вновь построила новую жизнь. Но никогда не скрывала, что итальянка, как делали многие. Умерла в 1997 году, на 82 году жизни».

VII

Воспоминания Надежды Матвеевны Джаккетти Денисовой,
написанные весной 2005 года.

“Я родилась в Крыму в семье итальянского происхождения. Отец был столяром. Мать до замужества работала «на помидорах» в итальянском колхозе «Сакко и Ванцетти», потом была домохозяйкой с тремя детьми. Я старшая.

Сколько себя помню, я всегда знала о нашей национальности, но тогда это уже было небезопасно. Нас не раз называли «фашистами»⁵. Закрыли католическую церковь. Братья моей матери, как и многие другие итальянские мужчины, были репрессированы по национальному признаку, двое даже расстреляны как итальянские шпионы. Об этом говорили только шепотом. Итальянская начальная школа тоже была закрыта, и я пошла учиться в обычную, русскую.

Началась война и жизнь стала еще хуже. Все чаще мы слышали в свою сторону несправедливое «фашисты» и от ровесников, и от некоторых взрослых. Было обидно, но простых людей, близкие которых погибали, защищая от вторжения родную землю, можно и понять, и простить⁶.

⁵ потому что итальянцы, а в Италии у власти был фашистский режим Муссолини.

⁶ Власть поступила с «инородцами» беспощадней и страшней. Еще в августе были объявлены «врагами народа» и высланы в Сибирь советские немцы. Вскоре эта участь постигла и итальянцев.

Нашего отца на фронт не взяли⁷, а дядя Илья, младший брат мамы, изменил документы и ушел в ополчение с другом. Вскоре оба погибли на Сиваше⁸. Илье не было и восемнадцати.

Бои за Керчь были очень тяжелыми и кровопролитными. Город несколько раз был оккупирован и снова освобожден. В январе 1942 советские войска отступали. В эти же дни началась депортация итальянских семей.

Мне было одиннадцать лет, моему брату шесть, а маленькой сестренке едва исполнился год. Однажды в январе 1942 года к нам пришли вооруженные люди с приказом о выселении, велели взять необходимые вещи и идти с ними. Было невозможно спорить или задавать вопросы. Времени на сборы почти не дали.

Я одевала младшего брата, отец искал документы. Мама собрала небольшой узелок детских вещей, взяла горшок для маленьких, сестренку завернула в одеяло, потому что у той не было теплой одежды. Сняла с плиты кастрюлю недоваренной фасоли, вылила воду и завернула кастрюлю в другое одеяло. В спешке я потеряла свои перчатки и не могла искать их, потому что те вооруженные люди торопили нас.

Говорят, что некоторые семьи были предупреждены заранее; и они успели подготовиться, взять с собой золото, документы и другие вещи. А нас никто заранее не предупредил, да и золота у нас не было.

Нас усадили в крытый кузов грузовика, соседи наблюдали за этим молча – не знаю, какие чувства они испытывали, сочувствие или ненависть. Но такая же участь могла постичь любого.

На крытом грузовике нас привезли в Камыш-Бурунский порт. Сутки мы провели с другими депортированными в каких-то больших помещениях без дверей, наподобие складов.

На второй день подвезли много раненых и начали их грузить на баржи. Не успела первая баржа далеко отойти от берега, как налетели самолеты и разбомбили ее. Никто не выплыл. Мы всё это видели.

⁷ по некоторым сведениям, «иностранным подданных» и членов их семей на фронт не брали. Только в ополчение и в трудовую армию.

⁸ говорят, что в этой битве погибло до восьмидесяти процентов ополченцев. В основном это были юноши от шестнадцати лет и старше, необученные и почти безоружные. Их отправили противостоять лучшим фашистским войскам и даже танкам.

Через некоторое время, когда все немного успокоились, начали грузить вторую баржу. В трюм посадили итальянцев, а на палубу раненых солдат. Мы тоже попали на эту баржу.

Сначала грузили женщин с детьми. Мама несла сестру, а я одной рукой держала брата за руку, а второй держалась за мамину юбку. В трюме было тесно, темно и страшно, стоял отвратительный запах. Люди кричали и плакали. Вскоре мы услышали голос отца: «Лора, Лора». Мама откликнулась, и отец сумел пробраться к нам. Все сидели вплотную, плечом к плечу. Чувствовалось, как прямо под нами ворочаются холодные волны.

Мы поплыли. Вскоре опять налетели самолеты, но почему-то не бомбили. Одни говорили: «Это разведчик»; а другие: «Может среди нас есть счастливый младенец, и он нас спасет». Нас выгнали на палубу, чтобы показать, что на барже мирное население, женщины и дети. Люди плакали и молили Бога о спасении, и случилось чудо: до самой пристани мы слышали рёв самолетов, но не одна бомба не упала.

В порту Новороссийска сначала выгрузили раненых, а мы оставались запертыми в трюмах. Потом, под вооруженным конвоем, стали выгружать итальянцев. Едва вышли все люди, самолеты, к гулу которых мы уже привыкли, разбомбили пустую баржу.

В битком набитых вагонах для перевозки скота мы ехали несколько недель. Многие болели и умирали, конвойные выносили тела, и в вагонах становилось просторней.

В первые дни совсем не кормили, а потом выдавали понемногу еды, но не каждый день. Всю дорогу люди были голодные.

Один раз в день поезд останавливался где-нибудь посреди поля, и люди выходили «по нужде», все вместе, мужчины, женщины и дети. Сначала я мучительно стеснялась и просила маму заслонить меня от взглядов, но через несколько дней необходимость взяла верх над стыдливостью. Конвоиры смеялись, смотрели на нас как на животных. Нас и везли в «скотских» вагонах как бессловесных животных на бойню. А мы, как любое живое существо, приспособлялись: просто хотели выжить в нечеловеческих условиях.

Привезли нас в Баку, поставили строем и повели по улицам под конвоем. Прохожие останавливались и смотрели на нас, кто с сочувствием, а кто с испугом и ненавистью. Помню, одна женщина

спросила солдата: «Что это за люди?» «Фашисты» - отрезал он. «А с виду совсем как мы» - пробормотала женщина. Мы молчали.

В Баку было собрано несколько тысяч депортированных, не только итальянцев, но и немцев из многих мест Советского Союза. Нас разместили в старых бараках пересыльного лагеря, где мы впервые за несколько недель смогли помыться.

На борту парохода «Узбекистан» переправились через Каспийское море. Высадили нас в небольшом городке Красноводске. Там мы около недели ожидали поезда в бараке возле моря.

Эта местность бедна пресной водой, и люди, без того измученные принудительным путешествием, голодом, холодом и болезнями, испытали ещё и жажду. Особенно страдали дети. А когда в паёк нам выдали солёную рыбу, эта пытка стала невыносимой. А рядом соблазнительно плескалось море. Некоторые малыши вопреки запретам родителей напились морской воды, несколько детей умерло.

За то время, что мы провели в Красноводске, два раза солдаты привозили пресную воду: одну бочку для сотен депортированных. В первый раз нашему папе не удалось получить и капли воды из-за давки. Во второй раз он принес небольшую баночку воды для всей семьи.

Из Красноводска в вагонах для скота нас везли больше месяца в Северный Казахстан. По пути отцепляли то один, то другой вагон. Наш вагон отцепили в Аральске. Там было 42 градуса мороза, а мы одеты по-крымски, в легких пальто. Мама сняла носки и надела мне на руки вместо перчаток. У всех от мороза побелели лица, и их приходилось все время оттирать, чтобы не обморозиться.

Поселили нас сперва всех в большой комнате с печкой. В дороге, хоть редко и скудно, но нас кормили, а здесь сразу пришлось голодать. Некоторые семьи, имевшие золото, меняли его на еду. Когда они ели, мы отходили к окну и старались отвлечь маленьких разговорами.

Вскоре отца забрали в трудармию. Нас с мамой поселили на берегу Аральского моря в полуразрушенном бараке из гнилых черных досок. Окон там не было, зато между досками зияли щели, такие широкие, что можно было просунуть палец. По обе стороны коридора было много комнатушек без дверей, и только последняя с дверью. Там мы и поселились. Был уже вечер, холодно и страшно.

У нас не было ни огня, ни света. Мама наспех заткнула самые широкие щели тряпками, и, помолившись, мы легли на пол прямо в одежде, прижались друг к другу и понемногу согрелись. Но уснула только младшая сестричка. В той местности ветры дуют почти непрерывно, но ночью кроме завывания ветра мы слышали вой волков. Они подходили совсем близко, в щели мы видели их глаза как зеленоватые огоньки.

На рассвете мама ушла, а когда вернулась, принесла спички и немного еды. Мы развели небольшой костер прямо в бараке, разбирая на дрова дощатые перегородки⁹. После скудного завтрака мама растопила немного снега и принялась за стирку, а мы весь день работали, затыкая щели в нашей каморке травой, мхом и даже снегом. Стало теплее и не так страшно.

Мы научились находить под снегом траву и съедобные луковицы степных тюльпанов, и часто ходили искать их вместе с другими детьми из итальянских семей. Мы дружили и поддерживали друг друга, в отличие от взрослых. Луковицы тюльпанов были сладковатые на вкус и очень сытные, они многих спасли от голода. К сожалению, когда тюльпаны начинают расти, луковицы их становятся несъедобными. Но в это время уже появлялась первая трава и мы ели её.

Нам выдали карточки, по которым можно было получить еду. Но хлеба на карточки выдавали так мало, что даже маленьким не хватало наесться. Младшая сестра часто говорила: «Хочу вот такую корочку хлеба!» и широко разводила руки. Мама часто говорила, что не голодна, и делила свой паёк с малышами.

Мама от голода совсем ослабла и заболела. Её положили в больницу, но не лечили. Я с братом и сестрой приходила туда каждый день, мы стояли под окнами и кричали: «Мама, мама», а она не могла даже голову поднять. Говорили, что она не выживет. Нас отгоняли от окон, но мы возвращались и плакали под окном. Однажды нас увидели моряки из «выздоровливающих» и пожалели. Они добились, чтобы маму начали лечить и кормить, брата и сестру взяли в детский сад. Потом как-то пришли к нам и увидели, в каких условиях мы живём, и в тот же день нам дали комнатку в доме, где жили семьи выселенных до войны. Они уже хорошо устроились, обзавелись хозяйством. Мы их называли

⁹ деревьев в той местности практически нет, угля не достать, местные жители с лета заготавливали топливо (кизяки, сухую траву и т.п.).

«аборигенами». Эти «аборигены» подкармливали нас, пока мама была в больнице. Благодаря всем этим людям мама выжила и мы не попали в детдом.

Обычно я ходила получать хлеб по карточкам. Однажды в магазине, где их отоваривали, кроме хлеба было печенье, и я взяла на все наши карточки печенье. Малыши были счастливы, ведь мы уже забыли вкус сладкого. А взрослые меня упрекали, мол, для голодных печенье – непозволительная роскошь.

В другой раз, когда мама уже вышла из больницы, я однажды потеряла карточки. Слава Богу, был уже конец месяца и мы смогли дожить и получить новые.

А ещё однажды я несла домой хлеб, и так задумалась, что отщипывала по крошке и клала в рот. Осознала, только когда съела половину пайки. Домой я вернулась, заливаясь от стыда слезами, но мама меня не ругала, только вздохнула и разделила оставшийся хлеб между младшими. Сама она в тот день ничего не ела.

Несколько лет я не ходила в школу, но когда вернулся отец, мне удалось возобновить учёбу. Мама хорошо шила, и этим немного зарабатывала. Обычно она перешивала одежду взрослых для их растущих детей. Мои бабушка и тёти попали в другие места Казахстана, но им удалось получить разрешение приехать к нам с детьми, и мы жили все в одной тесной комнате, но вместе мы чувствовали себя уверенней. Дети, даже полуголодные, играли и пели.

Однажды папа получил разрешение переехать в одно место возле Акмолинска, где он нашел работу. Вспоминаю такую сцену: на вокзале папа послал меня за кипятком. Возвращаясь, я услышала беседу двух женщин, они разговаривали о моей семье: «Посмотри, у таких старых и некрасивых родителей такие красивые дети!» «Наверное, это их внуки». И я впервые другими глазами посмотрела на маму и папу, которые неподвижно сидели на скамье. Им не было ещё и сорока лет, но они действительно казались старыми и изможденными. Мне тогда стало так больно, так их жалко! Но сейчас, вспоминая всё это, я понимаю, что нашей семье очень повезло: мы пережили все страдания, голод, холод и болезни, но никто из нас не умер! Это кажется чудом! Ведь очень многие умерли, даже некоторые семьи перестали существовать вообще, потому что никто не выжил.

Когда спустя годы мы смогли вернуться в Керчь, в наших домах жили чужие люди, и никто итальянцам ничего не вернул, у нас не было никаких прав (даже на кладбище участок, который прадед купил для семейных захоронений, оказался занят). Отец построил небольшой домик на бывшем минном поле. Пока рыл фундамент, выкопал несколько мин. Из нашей семьи мы вернулись первыми, поэтому все родственники сначала жили у нас. Жизнь понемногу налаживалась.

Я уже на пенсии, всю жизнь проработала бухгалтером. У меня есть дочь и двое взрослых внуков. А мои родители, сестра, брат и муж умерли.

Уже 14 лет существует в Керчи итальянское общество. Римско-католическую церковь вернули верующим. Но до сих пор не признано официально, что итальянцы были депортированы по национальному признаку. Говорят, слишком мало нас. И в самом деле, в Керчи чуть более трёх сотен людей итальянского происхождения. Несколько семей живет в других местах Украины, в России, Казахстане, Узбекистане.

Но кажется, и Италия нами не интересуется. К сожалению, для неё мы не существуем. Неужели действительно, только здесь мы итальянцы, а для соотечественников в Италии мы русские?»

VIII

Из писем Юлии Джакетти Бойко.

«В начале войны, в августе или сентябре 1941 года, в Крыму было организовано ополчение, куда записались в основном подростки (от 15 лет и старше), многие из «неблагонадёжных» семей (как правило, представители национальных меньшинств, немцы, итальянцы и т.д.), которых не брали в Красную Армию даже добровольцами, только в ополчение. Известно, что они были почти безоружными: ружьё и две гранаты на четыре «солдата». (Вопрос: Что должен делать тот «четвертый», безоружный? Ответ: Взять оружие убитого и стрелять.).

Рассказывают, что ополченцы были плохо обучены, многие не умели даже стрелять. Но их отправили на Перекоп, и уже через

несколько дней у озера Сиваш послали в бой против немецких танков. Погибли почти все.

Они не могли отступить, их бы обвинили в дезертирстве. У этих ребят был только один выбор: умереть «со славой» или «с позором».

В этом ополчении был младший брат моей бабушки Илья и несколько его товарищей из итальянских семей. Никто из них не вернулся. Говорят, Илья чувствовал, что погибнет. Ему едва исполнилось восемнадцать лет.

Много лет спустя бабушка разговаривала с одним человеком, вроде бы одним из немногих выживших в той мясорубке. Возможно, тот человек был тяжело ранен и попал в плен. Так вот, он говорил, что этих безоружных ребят из ополчения сознательно отправили против танков, на верную смерть. И что ребята, младшие братья расстрелянных «шпионов», жертвовали собой ради своих семей, стремясь доказать: «Мы не фашисты. Мы готовы защищать эту землю и умереть за неё».

«Сегодня (4 февраля 2006 года) видела по телевизору сюжет о депортации крымских татар в Узбекистан, где среди выселенных из Крыма народов впервые были упомянуты итальянцы. Одна всего фраза, но я рада, ведь и это шаг вперед. Обычно только немцы нас упоминают, может быть потому, что их керченскую организацию возглавляет Татьяна Николаевна Галкина, дочь депортированных немца и итальянки, познакомившихся в Казахстане».

Ниже следуют отрывки из писем, которые в течение нескольких лет отправлялись в Посольство Италии. К сожалению, ответов не было, хотя однажды господин Джулио Виньёли, не понадеявшись на почту, лично передал их в руки тогдашнего Посла Италии в Украине, госпожи Йоланды Брунетти.

«Глубокоуважаемая Госпожа Посол,
пишу Вам о небольшой общине Ваших соотечественников, живущих в Керчи. Мы потомки итальянских эмигрантов (по большей части выходцев из Апулии). Наши предки приехали по приглашению царского правительства как специалисты в сельском хозяйстве, мореходстве и судостроении. Они приезжали в Крым начиная приблизительно с 1830 года и до конца

девятнадцатого века. Одни возделывали сады и огороды, разводили виноград, другие перевозили на своих судах грузы в порты Черного и Азовского морей или работали в порту Керчи как капитаны, лоцманы, плотники. В городе существовали итальянские начальная школа и детский сад, клуб. В итальянском колхозе работало около двух тысяч человек. В центре города была построена на пожертвования католическая церковь Успения Богородицы.

Итальянская община была уважаемой и довольно влиятельной: есть данные, что перед революцией каждый восьмой представитель избираемых органов городского управления Керчи был итальянцем.

Но после Революции 1917 года ситуация изменилась. А в 1937 началась жестокие преследования. Многие итальянцы Крыма были арестованы и приговорены к казни или отбыванию наказания в лагерях и тюрьмах. Единственной их виной была национальная принадлежность. Некоторым семьям удалось вернуться в Италию, остальные волей неволей приняли советское гражданство.

29 января 1942 крымские итальянцы были депортированы в северные районы Казахстана, где сотни их умерли от холода, голода и болезней. Даже когда период террора закончился, жертвам сталинизма не возвратили их законных прав. И до сих пор некоторые семьи не могут вернуться из мест, куда были выселены. Когда Советский Союз распался и Крым стал частью независимого Украинского государства, мы, около трёхсот потомков итальянских эмигрантов Керчи, объединились в общество, чтобы не забывать наше происхождение и жертвы, изучить язык предков, возобновить общение с Италией, восстановить нашу церковь и отстаивать вместе свои права и память погибших.

Но, к сожалению, власти Украины до сих пор не признали официально факт депортации итальянцев Крыма, из-за чего некоторые семьи так и не могут вернуться из мест насильственного выселения. Наши старики, пережившие трагедию, бедствуют, но не пользуются теми льготами, что имеют другие депортированные. Нашей общине трудно получить какую-либо помощь. Но мы не теряем надежду, изучаем язык предков и мечтаем увековечить память жертв».

«Керчь, январь 2004

Уважаемая Госпожа Посол,

обращаюсь к Вам не только как к ответственному лицу, но и как к женщине, которой не безразлична судьба соотечественников. Прошу Вас, помогите, пожалуйста, нашей маленькой итальянской общине в Украине получить официальный статус депортированного национального меньшинства. Это необходимо не только для немногих оставшихся в живых жертв этой трагедии, но и для памяти множества погибших, и могло бы дать толчок к разрешению многих проблем. Я хорошо понимаю, что многие из нас происходят из смешанных семей и не могут считаться стопроцентными итальянцами. Но те репрессированные и депортированные Ваши соотечественники были итальянцами, несомненно».

Из писем к Джулио Виньёли.

«Керчь, 16-21.06.2001

....

Я действительно уверена, что в 1938 и даже позже среди итальянцев Керчи были граждане Италии. Не так давно Евгения Витальевна Басси, разыскивая в Государственном Архиве Симферополя материалы об истории своей семьи, видела там список «иностранным подданных» (то есть, не имеющих советского гражданства) жителей Керчи, составленный в октябре 1941 года. Там были перечислены и граждане Италии».

«Да, действительно, как утверждает Госпожа Посол, жертвам депортации не выплачены компенсации за утраченное имущество. Но речь идёт даже не о деньгах. Репрессии и депортация забрали не только дома и всё нажитое. Люди потеряли нечто более ценное: своих близких, от малых детей до стариков, многие лишились здоровья. И надежда на восстановление справедливости почти утрачена. Кто и как может это возместить? Только Господь милосердный. Но мы должны хотя бы помнить об этой трагедии».

«Семьи Джованни Джакетти, Лоры Скоччемарро, Сильвии Ненно, Леонардо Басси, Пьетро Пергало и многие другие не смогли вернуться в город, откуда были депортированы. В советское время для этого требовалось специальное разрешение. Сейчас не запрещено, но итальянцы, живущие ещё в Казахстане,

Узбекистане, России и т.д., в отличие от представителей других депортированных из Крыма народов, не имеют преимуществ в получении гражданства независимой Украины и могут въехать сюда только как иностранцы на общих основаниях. Так что возвращение в Крым депортированных итальянских семей, хоть и не запрещено, но без юридического статуса не представляется возможным.

Следовательно, официальный статус депортированных необходим итальянскому меньшинству: 1) чтобы восстановить справедливость и увековечить память жертв репрессий;

2) чтобы дать возможность хотя бы тем жертвам депортации, которые ещё живы, пользоваться теми мизерными правами и льготами, которые предусмотрены для представителей других национальностей;

3) дать насильственно депортированным гражданам и их потомкам, которые того пожелают, право возобновить гражданство и вернуться.

О нет, я точно знаю, факт депортации итальянцев до сих пор не признан официально властями Украины! И многие из нас слышали от чиновников разного ранга фразы наподобие: «Не было никакой депортации итальянцев!», «А назовите-ка номер приказа, по которому вас выселяли?», «Врёте вы всё!» или «Какие здесь итальянцы?! Все итальянцы живут в Италии!» и тому подобные. Да и мне самой доводилось такое слышать. Как-то лет десять назад Пётр Николаевич Пергало посетил Комитет по делам депортированных, отделения которого были во всех городах Крыма. Он хотел узнать, какие существуют правила и что нужно для возвращения депортированных итальянцев. Но ему ответили: «Не морочьте голову, в списке депортированных по национальному признаку никаких итальянцев нет. Так что и прав у вас никаких нет!».

Действительно, существует официальный список высланных с территории Украины народов, это татары, немцы, армяне, болгары и греки. И именно их упоминают, когда речь заходит о депортации. Этот список можно часто услышать в передачах радио и телевидения, особенно 18 мая, в День Памяти депортированных. И власти Украины стараются их поддерживать. Кроме того, татарам помогает Турция, немцам Германия. Говорят, что и Греция, и Болгария не оставляют без поддержки своих соотечественников на Украине.

В разговорах с пожилыми татарами и немцами я не слышала, что они знают и помнят о депортации итальянцев. К сожалению, власти не принимают во внимание никакие свидетельства».

«Керчь, 31.05-2.06

...

1. Юридический аспект. Все злодеяния должны быть признаны и осуждены. И если правительство Украины признало, что другие народы были подвергнуты репрессиям по национальному признаку, оно должно признать это и по отношению к итальянцам. И у всех выживших должны быть равные права. Но пострадавшие из числа итальянцев их не имеют. Государство финансирует программу возвращения семей депортированных, они имеют легальный статус и преимущества в получении гражданства. Но итальянцы, не имея никакой государственной поддержки, могут попытаться вернуться только за свой счет и, как говорится, на свой страх и риск, годами ожидая получения гражданства на общих основаниях.

2. Моральный аспект. Невинные жертвы достойны вечной памяти. И есть памятные доски в честь репрессированных и депортированных разных национальностей, но итальянцы там не упоминаются. Нет возможности увековечить память наших погибших, от многих из которых не осталось даже могил. 18 мая отмечается День Памяти депортированных по национальному признаку, но и в этот день о трагедии итальянского меньшинства никто и не вспоминает. Мы не таим обид, но без исповедания и покаяния нет и прощения.

3. Материальный аспект. Вы пишете, что, по словам господина Грача, статус депортированных дал бы нашим старикам не более чем прибавку в несколько гривен к пенсии. Не знаю, каково живет г. Грачу, но для бедных пенсионеров и несколько гривен на хлеб и автобус были бы не лишними. На пенсию сейчас не проживёшь, кто может, ловит рыбу или трудится на «дачах» чтобы выжить».

«Керчь, 27 ноября 2005 года

...

Сегодня получила письмо от Маргериты Белджойозо¹⁰ Она пишет: «Я решила послать вам эту статью журналиста Марко Брандо, опубликованную в «Коррьере дель Меццоджорно»¹¹, где рассказывается о вашей общине и о том, что коммуна города Милана установила мемориальную доску в память о погибших итальянцах Керчи». Наверное, это единственный памятник в мире, посвященный нашим жертвам. У них нет могил, но теперь хоть будет, куда возложить цветок. И это в Италии, на родине их сердец, но так далеко от земли, где они страдали и умирали ...»

(По постановлению муниципальных властей Милана городской Парк Вальсезия был посвящен памяти итальянских жертв репрессий в Советском Союзе и там установлена мемориальная доска с надписью: «Милан помнит тысячи итальянцев: эмигрировавших в СССР в надежде лучшего мира антифашистов и членов итальянской общины Крыма, которых подвергали преследованиям, лишали свободы, отправляли в лагеря, высылали и расстреливали в годы сталинизма». Доска была открыта 10 ноября 2005 года.)

IX

Воспоминания Анатолия Николаевича Де Мартино Чернявского, Керчь, 2006 год.

Как вспоминает Анатолий Николаевич, в детстве отец называл его Наталом или уменьшительно Наталино. Возможно, это итальянское имя было дано ему при крещении. Когда семью Де Мартино, вместе с остальными итальянцами, депортировали, мальчику едва исполнилось 6 лет. Сейчас Анатолий Николаевич, несмотря на пенсионный возраст, преподает математику в школе, в свободное время пишет картины.

... И лежат итальянские кости
в суровых степях Казахстана.
(Из стихотворения А.Н. Де Мартино)

¹⁰ итальянская журналистка, живет и работает в Москве

¹¹ выходящая в г. Бари газета. Упомянутая статья была опубликована 11 ноября 2005 года

Сегодня 26 июля 2006 года. Прошло 63 года, как был убит в Казахстане, в селе Красная Поляна колхоза 1 Мая Атбасарского района Акмолинской области мой отец, Де-Мартыно Николай Пасквалович.

Тяжелые воспоминания, воспоминания моей матери, воспоминания суровых лет ссылки ясной картиной встают в моей памяти.

Мать моя Де-Мартыно Дарья Александровна (Чернявская Д.А.) по национальности русская, была замужем за Де-Мартыно Николаем Паскваловичем.

Мама была сиротой (Снитко Дарья Александровна). Удочерил её офицер царской армии Чернявский и определил в 1913 году в Керченскую Общеобразовательную Женскую гимназию (ныне школа им. Короленко).

В 1920 она окончила гимназию и была награждена золотой медалью. После окончания гимназии училась дальше, и в дальнейшем работала учителем начальных классов.

Отец работал на судоремонтном заводе. У него была сестра Нина и брат Антон. Тётя Нина была замужем за итальянцем Николаем Кроче.

Проживали мы по ул. Первая Аджимушкайская в д. № 2. Ранее этот дом принадлежал греку Торобокио, который, продав его, уехал в Грецию. Дом был куплен в Северо-Кавказском Автотранспортном Торгово-Промышленном Акционерном обществе.

Приобрел этот дом отец в 1928 и оформил его на мать по своим соображениям.

Прошлое отца мне мало известно. Из разговоров с матерью я знал, что его отец (мой дед) был капитаном дальнего плавания и большое состояние передал моему отцу, который смог купить строение с земельным участком в 8304,43 м² за сумму 2200 рублей золотом. Мы жили очень богато, что хорошо было известно в НКВД.

В 1937 году отец был арестован без каких-либо объяснений, а в доме сделан обыск, забрано золото, дорогие вещи.

Нужно было спасти отца, который подвергался, очевидно, нечеловеческому обращению. Мама смогла его вырвать из цепких рук НКВД. В этом ей помогло золото и драгоценности, которые были припрятаны.

Здоровье отца сильно пошатнулось. Он сильно изменился внешне и стал замкнутым. Еще раньше земельный участок (сад) был сильно урезан.

Наступил 1941 год. Отец, как и раньше, уходил на работу, возвращался поздно. В ноябре 1941 года в город вошли немецкие войска. Спасаясь от бомбежек, почти всё мирное население скрылось в Булганакских и Аджимушкайских катакомбах. Страшную картину представляли каменоломни. Вдоль стен пещеры располагались люди. Тут же готовили на примусах пищу. В воздухе стояла керосинная гарь. Тут же разделявали коровьи, овечьи туши, прожаривали, складывали в банки, заливали жиром.

В степи ходили бесхозные тысячи животных, которых согнали с колхозов Крыма, чтобы переправить на Кубань. Животные бродили по степи в поисках воды. Мычание коров, блеяние овец навевали что-то ужасное. Творился хаос.

Однажды мы с мамой вышли с темнотой из каменоломни и направились домой, чтобы пополнить запасы продуктов. С вершины небольших гор была видна горящая Керчь. Шли, прячась среди коров, однако наткнулись на немецкого солдата. Включив фонарик, он потребовал документы. Свет фонарика скользнул по моему лицу, и я сильнее прижался к маме. Она стала что-то спокойно по-немецки ему объяснять. Солдат изменился в лице и отпустил нас, не заглянув в паспорт, и указал, как безопаснее можно пройти в город.

Находились в каменоломнях, пока Керчь была в руках врага. С освобождением города в декабре 1941 года люди, покинув штольни, вернулись в свои дома.

В семье нас было четверо: старшая сестра Тереза, средняя Нина, младшая Роза, я был самым младшим. Долгожданный сын. Сколько радости испытал отец при моем рождении! И каждый год родители пышно отмечали мой день рождения (28 января). На день рождения отец приглашал итальянцев, товарищей по работе и соседей. Мама очень любила итальянцев и старалась в совершенстве изучить итальянский язык.

28 января 1942 года родители готовились в очередной раз отметить мой день рождения. Был утренний час, зашли вооруженные люди, наверное, солдаты НКВД, и без всяких объяснений предложили для сборов 2 часа, определив по весу, сколько брать вещей. Один из них сказал, что едем ненадолго в

нехолодные места. На вопросы отца они еще раз объяснили, что на сборы дано 2 часа.

По заранее заготовленным спискам они быстро обошли все итальянские дома, не пропустив никого. Не было тогда забытых итальянцев: в списках были все, от новорожденных детей, до стариков. Всех итальянцев препроводили к месту сбора в Камыш Бурун.

Людей собрали много, они были напуганы, слышались душераздирающие рыдания, крики. Кто-то кого-то искал, кто-то выкрикивал проклятия неизвестно в чей адрес. Задавали вопросы людям в военной форме, но те не отвечали ни на один.

Ночь прошла в каком-то сером строении. Утром 29 января стали делать посадку на пароход, но он был уничтожен немецкими самолетами. Там погибла лучшая подруга матери, с которой та училась в гимназии, и друг отца, итальянец, который, прощаясь с ним, договорился встретиться на противоположном берегу.

Чистая случайность, что мы не попали на этот пароход. Отец с нами уже хотел зайти на пароход, но его остановил военный, сказав при этом, что больше нельзя, пароход переполнен.

Отправлены мы были вторым, и только он вышел в море, как в воздухе появились немецкие самолеты. Людей из трюмов выгоняли на палубу, чтобы показать, что на пароходе мирное население.

Самолеты много раз заходили над кораблем и, покругив, уходили. И каждый раз не сбрасывалась ни одна бомба.

Люди с испугом и мольбою смотрели на самолеты, ожидая каждый раз своего конца. Так добрались, хранимые Господом, до Новороссийска, там пробыли несколько дней. Где родители находили скудное пропитание, не знаю.

Эшелоном отправили до Баку, а затем до Красноводска. Этот город запомнился на всю жизнь. Отец принес жалкое пропитание. Наевшись соленой рыбы, стали просить воды, но её не было. Взяв небольшую посудину, отец вернулся с водой, которая не только не утолила жажду, но еще больше её усилила. Только запах её вызывал отвращение. Вода была горько-соленая, с привкусом тухлятины. Сколько пробыли в этом городе, не знаю.

Подогнали вагоны-телятники, погрузили, и мы отправились в неизвестную ссылку. Что ожидало этих людей, на лицах которых были грусть и испуг? Где был тот дирижер, который управлял

тысячами людских судеб? Бесполезно было что-то спрашивать у военных, которые сопровождали эшелон.

Путь был долгий и мучительный. Вагон переполнен. Дверь едва приоткрывали. Воздух свежий поступал через небольшое верхнее отверстие. В углу вагона было сделано отверстие, которое служило туалетом. Его огородили покрывалом. Люди испуганно делились своими догадками. Ходил слух, что везут на Урал. С каждым днем положение становилось всё невыносимее.

С нами в вагоне была итальянка Мария Спартак со взрослым сыном Бруно. Как-то на остановке он с итальянским темпераментом возмутился тем, в каких условиях находятся люди. Его военные увели, и больше он не появлялся. Мария Спартак на всех остановках ловила руками сопровождающего, падала на колени и рыдая просила: «Верните, верните мне единственного сына!». Что могли ответить ей? Им, очевидно, было дано указание не вступать ни в какие разговоры с людьми в вагонах. Можно ли забыть бьющуюся в истерике женщину, которая металась по вагону, кричала, посылала проклятия тем, кто лишил её сына. «Где мой Бруно, верните сына, Бруно, мой мальчик, Бруно». Говорили, она тронулась умом. Её забрали. Так трагически закончилась судьба еще одной итальянской семьи. А сколько было таких трагедий? И эта масса ужасающих личных трагедий сливалась в единую трагедию итальянского народа, ни в чем не виноватого перед государством.

Говорят, что Мария Спартак была в Италии коммунисткой, и с приходом к власти Муссолини покинула родину и приехала в Керчь. В Керчь приехал с нею и итальянец, которого всё называли Сирень (очевидно, это были их партийные псевдонимы). С транспарантами и митингами встречала их Керчь. Они с приездом были окружены большим вниманием.

Эшелон двигался то на север, то вдруг держал направление на юг.

Печка-буржуйка не могла обогреть вагон. Протапливали её или углем, или дровами, которые мужчины доставали на остановках. В вагоне было холодно. Женщины согревали детей своим телом.

Наступил месяц март. Людям стало понятно, что мы находимся на территории Казахстана. Ближе к вечеру состав остановился на небольшой станции Атбасар.

Дана была команда: «Приехали. Высаживайтесь!». Дул холодный ветер, мороз был жестокий. Снег под ногами рыпел. Проходили местные, одетые в шубы и валенки, они с каким-то пренебрежением смотрели на нас, одетых легко не по сезону.

Женщины тут же кутали детей, чем только могли. Мороз, как говорится, пробирал до костей. Кто-то посоветовал не стоять, а прыгать, чтобы не окоченеть. Отец куда-то ушел, а вернувшись, забрал нас и повел ближе к зданию, где стояло несколько саней.

Усадили, накрыли соломой, накрыли покрывалом. С нами было еще несколько саней. Отец сидел позади и о чем-то разговаривал с Кроче, мужем своей сестры, тут же находился его брат Антон и сестра Нина с тремя детьми Аней, Люсей и Павликом. Ехали долго по бескрайней заснеженной степи, дорога едва просматривалась, её во многих местах занесло снегом.

Приехали в поселок Красная Поляна колхоза 1 Мая. Остановились возле небольшого домика, засыпанного до крыши снегом. В этом доме проживала полячка Банковская, которая весьма недобродушно встретила нас и провела в холодную неотапливаемую комнату, предупредив, чтобы мы не злоупотребляли топливом.

Уже на следующий день мужчин отправили на работу. С работы они приносили грязное зерно, небольшое количество черной житной муки и несколько картошек. Отец говорил, что это еще хорошо, другим давали еще меньше.

Его брата Антошу забрали в Караганду. С ним не было никакой связи. С Караганды он больше не вернулся. С нами осталась его дочь Галина, которая потом скончалась от тифа.

Но прошли холодные весенние месяцы. Лето не принесло ничего хорошего. Люди с теплом мечтали снова вернуться в родные края и ждали того момента, когда так же придут военные, прочитают приказ и вновь в таких же вагонах отправят в Крым. Но время шло. Нас выслали, выслали чтобы мы здесь вымерли. Нас выслали и о нас забыли.

Итальянцы трудились на низкооплачиваемых работах, за что начисляли небольшие трудовни. Отношение местного населения к итальянцам было, мягко говоря, неважное. Они боялись лишний раз поговорить с нами, чтобы потом их не обвинили в связи с «предателями». Очень плохо относились к нам те, чьи сыны или мужья погибали на войне.

На краю колхоза была старая полуразрушенная кузница. Летом отец подправил стены, двери в комнатке с выходом в кузню, поставил печь. Окно, где были выбиты стекла, забил жестью и куском фанеры. Свет поступал через четыре шипки сохранившегося стекла. Переселилась туда и его сестра с детьми. Муж её Кроче к этому времени скончался. Он простыл ещё ранней весной, когда полуобутый выходил по колено в снегу на работу.

Прошло лето сорок второго года. Полученные трудодни дали возможность пережить зиму.

1943. Отец работал в бригаде. В его обязанности входило на быках подвозить воду в бригаду, которая работала в степи. Не знаю, чем мог отец не угодить бригадиру, но тот его избил. Пришлось отвезти его в больницу. Вернулся он совсем плохой. Было件нятно, что долго он не проживет. Как-то в разговоре с ним мама сказала, что уничтожит бригадира, на что отец только сказал: «Подумай о детях. Поставь их на ноги, выучи. Это будет самое лучшее, что ты сделаешь для меня».

26 июля 1943 года отца не стало. Мама поняла бесполезность подавать в суд.

Выдали свидетельство о смерти, в котором сказано: «Гр. Де-Мартыно Николай Пасквалович умер 26 июня 1943 в возрасте 52 лет от дизентерии». Мы остались без отца. Мать старалась работать на любой работе, но обеспечить семью была не в состоянии.

Пришло время, когда кончились запасы всего. Не было продуктов и у тёти Нины.

Зима была снежной и холодной, обогревались кизяком и полынью, которые в большом количестве заготовили летом и сложили в кузнице.

Старшая сестра Тереза ходила в степь и там в яме откапывала снег и добиралась до прогнившей пшеницы, которую потом варили без соли и картошки и этим спасались от голода. Когда такой пшеницы Тереза приносила достаточно много, т.е. больше ведра, мы её промалывали на деремне¹² и получившуюся муку использовали для лепешек. Они были горькие и невкусные, но голод брал своё.

¹² деремень – ручной жернов из двух камней;

Задул буран, мама не отпускала Терезу в поле. Наступили дни, когда и этого гнилья не стало. Несколько дней буран не прекращался.

Однажды вечером тётя Нина предложила маме затопить печь, закрыть задвижку печи и всем угореть, на что мама ответила отказом. Она видела, что мы все умираем медленной смертью, что помощи ждать не от кого и не откуда. Я был настолько слаб, что выходил в туалет в кузницу, держась за стенку.

Как-то чуть свет постучали в окно. Отогрев руками лед со стекла, мама объяснила, что нас занесло снегом и открыть дверь не в состоянии. Освободив дверь от снега, вошел мужчина и предложил купить ведро муки. Увидев ужасную картину нашего существования, он испугался. Посмотрев на нас детей, он отказался взять в уплату какую-то вещь (другого ничего не было). Оставив сумочку с мукой, он быстро вышел. Мама вышла вслед за ним, но он исчез так же неожиданно, как и пришел. В тот же день тётя Нина с мамой принесли пару лошадиных ног. Дело в том, что на льду лошадь сломала ногу, её добились, и через мгновение от неё ничего не осталось.

Был для нас тот день праздником: сварили мясную затёрку. Все приободрились и вечером при свете небольшой копчушки¹³ мама рассказала нам книгу о путешественниках, и мы все, прижавшись к ней, внимательно слушали.

Было начало весны 1944 года. Средняя сестра Нина ушла в город (Атбасар) и там устроилась работать на почте.

Мы остались в селе. Перед Пасхой мама решила пойти по селам и просить милостыню. Она взяла и меня с собой. Мы заходили в каждый двор. Одни нас просто выгоняли, другие подавали неплохо. Особенно были милосердны те, чьи мужья или сыновья были на фронте.

Начало темнеть и мы решили, что пора возвращаться домой. Вышли за посёлок, и пошли по едва заметной дороге. Пройдя немного, увидели, что впереди река, свернули направо, налево, стали возвращаться обратно, но куда ни шли – кругом вода. Казалось, что мы попали на остров. Чуть в стороне увидели что-то темное, подошли. Это была небольшая куча соломы. Мама раздвинула её, сделала ямку, уложила и своим телом прикрыла

¹³ разновидность самодельного светильника, жестяная трубочка с фитильком.

меня, чтобы не было мне холодно, и, если нападут волки, пусть её растерзают первую.

Утром нашли узкий проход и пошли искать дорогу, по которой должны вернуться домой. Прошли несколько километров, и снова река¹⁴ перекрыла нам дорогу. Надо было перебраться через речку. Но как? В стороне от нас стоял мужчина – в нём узнали одноногого нашего почтальона. Попросили переправить нас на другой берег. Отвязав лодку и бросив в неё сумку с почтой, он усадил меня на нос лодки, сам сел в середине, и мы медленно стали отплывать. Добрались до середины реки, лодку течением понесло в сторону, управлять одним веслом было тяжело. Лодка наклонялась то в одну, то в другую сторону. Иногда казалось, что почтальона покинут силы и течение нас унесет по реке. Я видел, как мама бежала вдоль берега, кричала, плакала, готовая броситься в ледяную воду и плыть, чтобы спасти меня.

После долгой борьбы с течением причалили к берегу. Почтальон бросил сумку, помог мне выйти из лодки и, ни слова не говоря, отправился обратно.

Домой добрались усталые, но довольные тем, что вернулись не с пустыми руками.

Летом скончалась старшая дочь тёти Нины Аня. Осталась она с Люсей и Павликом.

В августе переехали на станцию Атбасар. Тётя Нина не решилась ехать с нами.

Мама устроилась работать в железнодорожной школе истопником в кочегарку, которая находилась в подвальном помещении школы. Там же, в подвале школы, рядом с кочегаркой была небольшая комнатка, в которой проживала уборщица. Там поселили и нас.

В этой же школе устроилась уборщицей Тереза, а я и сестра Роза с первого сентября пошли в первый класс. Сестра Нина к тому времени смотрела детей женщины, которая работала паспортисткой. Она-то и помогла нам сменить фамилию и национальность. Теперь мы все стали не Де-Мартино, а Чернявские, только Тереза стала называться Татьяной. Мама просила нас, чтобы нигде ни в коем случае не говорили, что мы итальянцы.

¹⁴ Джабайка, приток Ишима.

В классе мало кто верил, что мы русские, и считали, что мы евреи.

Хотел бы отметить, что окончание войны мы встретили в поселке. Оставшиеся в живых итальянцы каждый день с нетерпением ждали, когда вот таким же образом, как тогда, зайдут военные и, зачитав приказ, дадут время для сборов, чтобы на этот раз отправить в Крым. И мы вернемся в брошенные дома и будем вспоминать Казахстан как страшный сон. Теперь же, выслав нас, о нас забыли, мы не существовали.

В Атбасаре мы часто встречались у Де-Фонзо, разговаривали о Крыме, не было конца воспоминаниям, вспоминали об итальянцах Керчи.

Однажды дядя Кузьма Де-Фонзо получил путевку в Ялту, возвращаясь, заехал в Керчь к своей сестре. Она была замужем за русским. Правда, не понятно, каким образом её не выслали. Там же в Керчи он узнал, что итальянцам приписки нет. Вернулся он расстроенный.

Однажды вечером к нам заехал Сирень, тот самый Сирень, который с Марией Спартак приехал из Италии. Он долго беседовал с мамой, что нужно поехать в Москву и добиться, чтобы итальянцам позволили вернуться в Крым. Но не прошло и недели, как стало известно, что он в дороге простыл и скончался. Причина смерти была понятна. Стало ясно, что высылали нас не для того, чтобы после войны вернуть обратно. Надежда на возвращение в Керчь пропала. Надо было смириться.

Ещё в 1948 году мы обратились в Отдел Коммунального хозяйства Керчи с запросом о нашем доме. Ответ был неутешительный. Вторично обратились в 1953 году в надежде, что может быть произошли изменения. Ответ был категоричен:

«На Ваше заявление о возврате дома, находящегося по улице бывшая 1-я Аджимушкаяская, д. № 67, Отдел Коммунального хозяйства Керченского Городского Совета депутатов трудящихся в дополнение к своему ответу от 17 января 1948 года сообщает, что итальянские дома зачислены в фонд государства и возврату не подлежат».

Заведующим Горкомхозом тогда был Злобин. И все ответы по вопросу о доме подписаны им. Стало ясно, что в какие-либо инстанции по поводу дома обращаться бесполезно, да и многие другие вопросы лучше не поднимать.

1954. Прощай, Казахстан, мы едем в Керчь, не зная даже, что ожидает нас. Пришел проводить нас дядя Кузьма. Он написал письмо своей сестре с просьбой принять нас хотя бы на первое время. Приехали мы вдвоем: я и мама. Сёстры Тереза и Нина после окончания института работали в школе города Копейска Магнитогорской области. Роза была вместе с Ниной, она продолжала учиться в школе.

Остановились мы у сестры дяди Кузьмы. Более месяца решался вопрос с пропиской. Хотя по документам мы числились русскими, однако место рождения и затем проживание в Казахстане настораживали начальника отдела милиции. И всё-таки в конечном итоге нас приписали. Затем в Керчь вернулись и сёстры.

Мы вернулись в Керчь, покинули Казахстан. Какова судьба итальянцев, которые остались в Казахстане?

Умер дядя Кузьма, вскоре после нашего отъезда скончалась и тётя Нина, сестра отца. Павлик, сын её, остался в посёлке Красная Поляна, там затем и женился. Люся вышла замуж за сына убийцы моего отца. Проживает в том же селе.

В 1955 году я окончил школу. Армия, педагогический институт, отделение математики и черчения. В настоящее время работаю в школе учителем математики.

10 августа 2006 года я приехал на железнодорожный вокзал, чтобы увидеть Памятный знак. Я прочитал на небольшом сером гранитном камне: «Памятный знак против жестокости и насилия. Установлен 17 мая 2003 года жертвам массовой депортации крымских татар, болгар, греков, немцев, армян из г. Керчи 18 мая 1944 года.»

А где итальянцы? Итальянцы, которых тогда в тяжелые годы войны не забыли и первыми выселили в Казахстан в суровые зимние месяцы! Итальянцы, которые первыми познали трагедию; итальянцы, которые стали одной из наиболее пострадавших от репрессий национальностей!

Нужно просто ничего не знать, не помнить об итальянцах, чтобы игнорировать многочисленные обращения их в Правительство Украины.

Чиновникам надо заглянуть в историю Крыма и сопоставить численность итальянцев до войны с численностью их после войны, чтобы понять, кто в этом виноват. По вине Украинского Правительства Итальянская община до сегодняшнего дня не

получила официального статуса депортированных. Чиновники в своём объяснении мотивируют отсутствием документов о депортации. И неужели нужны документы, чтобы помнить о жестокости, которой подверглись итальянцы?

И те, кто составлял текст памятного знака, неужели не вспомнили: «никто не забыт, ничто не забыто»?

В каком-то подавленном настроении я шел от памятного знака. Навстречу мне шел пожилой мужчина.

— Простите, - спросил я, - Вы керчанин?

— Да, - ответил он.

— Что Вы знаете об итальянцах Керчи?

— А что, в Керчи были итальянцы? – вопросом на вопрос ответил он мне.

Господа чиновники, не зададите ли когда-нибудь и вы нам аналогичный вопрос? И чтобы помнить о тысячах сломанных судеб итальянцев, неужели так важны приказы, численность, количество трагедий? Нужно просто иметь человечность к любой нации, и тогда на куске гранита вы найдете место упомянуть и забытых вами итальянцев.

И хотелось бы, чтобы о тех муках, о тех страданиях и трагедиях, которые перенесли итальянцы Керчи, знали и помнили не только керчане, но и итальянцы в Италии, и делали всё, чтобы подобная трагедия не постигла ни одну нацию, какой бы численности она ни была».

X

Воспоминания Марии Ненно Белозерцевой.

«9 февраля 1942 года пришел мужчина, одет он был не в военную форму, но с ружьем на плече, и предъявил документ, что нас, жителей итальянской национальности, высылают из Керчи. В то время мы проживали в конце города, в школе по ул. Чкалова, 57, а основное мое место жительства было ул. Пролетарская, но оно уже было разбито, туда попал снаряд. А родителей моих, Ненно, квартира по ул. Правая Мелек-Чесме, 51, почти тоже не пригодна была для жилья. Первую партию в основном уже отправили 29 января 1942 года, а наша была вторая партия, всего 2 вагона, т.е. теплушек, 72 человека (телячьи вагоны с нарами).

Вначале нас на подводе, которую взяли у моего дяди Парчелли Пасквала (его тоже выслали с сестрой и детьми) увезли в школу по ул. Свердлова, там был пункт сбора. Когда все собрались, нас увезли в Камыш-Бурун, ныне Аршинцево. На сборы нам дали всего 2 часа. Я Белозерцева была, с трехлетним сыном, муж мой был мобилизован через военкомат вместе с сейнером, на котором он работал, и был военнообязанным. Я детей и стариков отправила на пункт сбора, а сама пошла в часть к мужу и сказала, что нас высылают, потом отправилась на пункт сбора. Но он так и не успел с нами попрощаться. Пока отпросился, нас увезли в Аршинцево, и несмотря на то что он воевал, меня с сыном отправили. А теперь, когда сын на пенсии, ему не платят за то, что он был депортирован, потому что у него в паспорте национальность «русский» по отцу.

Привезли нас к пароходу, и когда стало совсем темно, нас начали грузить на пароход большой высокий. Была абсолютная темнота, и нас всех предупредили, кто зажжет спичку или папиросу, расстреляют на месте. Вещи мы могли взять необходимые, а все постели, подушки, одеяла шерстяные, всё осталось. Нас они уверили, что всё будет сохранено, всё в целости, но в этом они нас обманули. Как только мы выехали, всё было разграблено, и сейчас никто за это не в ответе, да еще и не найдешь концов, что мы действительно были депортированы в Казахстан.

На пароходе мы приехали в Новороссийск днем, но пароход не мог причалить к берегу, потому что нас бомбили немцы. Ночью всё успокоилось, разгрузили и опять при полной тишине и темноте нас повезли в школу, где мы провели без всех удобств 10 суток, ожидая теплушек с нарами. 72 человека разместили в двух вагонах (скотские вагоны). Ехали мы в этих вагонах 2 месяца в тесноте, без еды, без мытья и голодные. Они, то есть, сопровождающие, обязаны были в пути нас кормить, но накормили только в Новороссийске, а на протяжении всей дороги кушали что придется, что где поменяем, что купим, у кого были деньги.

Когда доехали до станции Лыски, там нас, то есть, станцию, бомбили. Молодые ребята, сопровождающие военные, нас закрыли в вагонах, а сами ушли. Мужчины, которые были в вагонах, открыли вагоны и выпустили нас, стариков и детей. Без еды, без вещей мы побежали вглубь станции и спрятались в щели. В войну были выкопаны рвы и закрыты сверху. От прямого попадания не спасёшься, но от осколков спасали. В щелях мы просидели до

темноты, а потом вернулись в вагоны, голодные дети просят кушать, а кушать нечего. Сыну моему было около 3 лет, он станет в дверях вагона и кричит: «Начальник, дай хлеба!».

Ночью нас оттянули на глухой полустанок деревушки в несколько десятков домов, простояли там 10 суток. Мы ходили в деревню, меняли вещи. Денег они не хотели брать, потому что был близко фронт. Продуктов у них не было, кроме ржаного хлеба и молока. Картошка была на вокзалах, горы мороженой, мы брали и ели, потому что больше нечего было есть.

Так мы ехали в течение 2 месяцев, и 10 апреля 1942 года доехали до Акмолинской области, станция Вишнёвка, районный центр. Там нас сгрузили и повезли на санях, впряженных в быки. Но погрузили только вещи, стариков и детей, а мы, молодые, шли 18 километров пешком. Приехали в колхоз «Красное Озеро», здесь нас принял комендант, потом распределили по квартирам. Поместили нас в прихожках.

На другой день дали по списку согласно семей муки, крупы и картошки, так мы прожили до мая. С начала посевной по силе возможной стали выходить на работу. Вещей для работы в колхозах у нас не было, пришлось приспособливаться. С начала посевной открылась пекарня и столовая. Кто работал, имел право пользоваться пекарней и столовой, на работу вышли все, кто мог двигаться, и стар и млад, и дети, потому что то, что давали в пекарне и столовой, всё записывалось в счет трудодней.

Летом хозяева нас выпроводили в сараюшку, где у них было зерно, освободили от зерна. Мы сарай обмазали, поставили печки, побелили, построили коридоры, и уже следующей зимой мы зимовали в этих сараях, где прожили всю войну.

Осенью в ноябре месяце 1942 мужчин наших керченских отправили через военкомат в трудармию, где они содержались как заключенные на строительстве Челябинского металлургического завода, где содержались до июня 1946 года.

Мы все были на учете в комендатуре. Если нам надо было поехать в район или город, мы должны были брать разрешение у коменданта, ежемесячно мы все отмечались у коменданта. Так мы проработали до конца войны, а осенью 1949 года я уехала из колхоза, и родители мои выехали в Акмолинск, где мы прожили до 1974 года. Родители там и умерли, а я с сыном и внуком приехала в г. Керчь, где и проживаю в настоящее время. Сестра родная и двоюродная ещё до сих пор проживают в Акмолинске с семьями.

XI

Из двух писем Паолины Францевны Еванджелиста Шестерёнкиной к Маргарите Доминиковне Леконте Лебединской (Саратов, от 12.01.94 и 21.10.94).

«Мне 81 год. Живу в Саратове около 50 лет. Вместе со мной живет мой брат старший, ему в январе пойдет 83-й год. Вы его должны помнить, он руководил нами во время нашего «путешествия» в Казахстан. А в Керчи он работал главным инженером Госрыбтреста после окончания Московского Рыбного института.

Живет еще мой двоюродный брат Иеванжелисто Павел Францевич, ему 70 лет, был в трудармии в Челябинске – случайно уцелел.

Всего итальянцев в Саратове: мой брат Еванджелиста Бартоломей Францевич, Иеванжелисто Павел Францевич, сын моего брата Еванджелисто Эдуард Бартоломеевич, моя дочь Франческа. Всего 5 человек.

Мой отец Еванджелиста Франц Бартоломеевич был капитаном, плавал в последнее время на пароходе «Красный Крым». Умер 43 лет в 1932 году. Похороны были торжественные, принимали участие Клуб итальянцев (руководил Карбоне) и управление порта. Тогда кто работал, тот и ел. Наша семья лишилась работника - тут голод 1932 – 1933г., нас четверо у мамы и бабушка. Хлебнули горя.

У тётки родной Анджелины Де-Мартино арестовали в 1937 – 38 всех троих сыновей Пасквала, Бартоломея, Степана, и двух зятей Савву и Марино. От горя тётя умерла через 1,5 месяца.

Когда нас выселяли, мне было 27 лет и четверо детей. Помню, как всё происходило:

В 7 часов утра к нам во двор пришел начальник МВД майор Хватов, принес список итальянцев, перечислил всех нас и сказал: «Чтобы через час Вы были готовы, всех вас выселяем». Он понял, что мне с четырьмя детьми, больным дядей и бабушкой трудно идти пешком, и сказал: «Я ухожу, вы собирайтесь, может быть мне удастся достать для вас транспорт». Через 30 минут во двор приехала машина, тут соседи стали растаскивать вещи, кто что успел схватить. Я осталась всю жизнь ему благодарна за то, что он отбирал вещи и бросал в машину. Я знала, что можно взять только

8 кг на человека. Когда он бросил несколько подушек, перину и два чемодана в машину, я сказала что в вагон не пустят. Он ответил: «Бросите у вагона». Я думаю, что всё это он сделал в благодарность моему отцу, он сказал: «Я с Вашим отцом вырос в одном дворе».

Дальше, Вы знаете, что нас привезли в Камыш-Бурун. В Новороссийске подали состав вагонов – 10 штук. Начальник военизированной охраны, его помощник и 25 человек бойцов (молодые ребята). Уполномочен был мой брат по погрузке, и мы двинулись в Казахстан.

Во время нашего выселения-путешествия погибло много людей. Что делалось в других вагонах, мы не знаем. Своего слишком много было горя. Конечно, дорогой мы голодали и холодали. Ехали долго, почти 1,5 месяца. Дорогой я похоронила двоих детей, умирали мужчины от тифа.

Нас несколько итальянских семей поселили в селе Спасское Атбасарского района Акмолинской области, многие семьи были поселены в других селах Атбасарского района. По приезде, примерно через неделю, у нас уполномоченный МВД отобрал все паспорта и через неделю вернул со штампом во всю страницу: «Спецпереселенцы».

Очень много наших мужчин-итальянцев погибло в трудармии в Челябинске.

Жила я в селе Спасском в одном доме с семьей Ботто. Отец Матвей и жена тетя Лина, её две дочери Лорочка (жена Марко Симоне) и Тереза: обе умерли от туберкулёза, позже умерла той же болезнью и тетя Лина, позже муж дядя Матвей, осталась дочь Зиночка, и с ней племянница (дочь Лоры). Когда я через год приехала за мамой, то узнала, что Зиночка с девочкой уехала в Караганду. Марк Симоне оставался жить в Челябинске, женился, есть у него дети.

Жила со мной родная тетя Савинеда с дочками и мужем: дядя Марин, дочери Лина, Полина, Филича – все умерли кроме Полины. Умерла дочь Рины Де Мартино Лора. В семье Кутто умерли сын 32 лет и глава семьи 62 лет. Пишу только о тех, кого знаю.

По приезде на место через 4 месяца я похоронила третьего сына пяти лет. И мой брат, своего сына Франческо, тоже пяти лет. Потеряли четырех сыновей. Позже умер дядя, мамы брат 58 лет, бабушка 78 лет.

В деревне, куда нас привезли, местное население объяснило нам так: «Вас сюда привезли, чтобы вы здесь все повыздыхали». Я ответила: «Мы сегодня, а вы завтра». Остались мы живы благодаря тому, что было кое-что менять на продукты.

Страшно вспомнить, что пришлось пережить, оставаться дальше нельзя было, могла потерять дочь, у неё была уже каверна в легком – туберкулез. Я просто на свой страх и риск вырвала два листика из паспорта и выехала из Атбасара. Всю дорогу дрожала, чтобы не арестовали. Бог оказался милостив, и я добралась до своего мужа.

Позже в 1944 году приехала я за своей матерью. За определенную мзду председатель колхоза её отпустил. В 1976 году она умерла на 90 году. О пережитом трудно писать, Вы сами знаете.

В общем, бедные несчастные итальянцы! Сколько горя выпало на их долю! Год тому назад Президент Казахстана Назарбаев сказал численность населения: что у него значатся еще 365 итальянцев. Это те несчастные итальянцы, которым некуда было выехать.

Очень много итальянцев погибло в Казахстане. Вымерли целые семьи.

Погибли дорогие люди, всё что было нажито родными (главным образом дедом Биочино Антоном Марковичем, который 40 лет был капитаном дальнего плавания).

Впопыхах во время немедленной высылки всё было брошено, в доме остались хороших два ковра, пианино, очень дорогая модель брига, постельные принадлежности, мебель дорогая – это всё нажито было моим дедом. Мой отец хоть и был тоже капитаном, но советским.

В 1948 году, когда я после войны я приехала в Керчь, хотела хоть что-нибудь найти, но тщетно. Ничего.

В тот раз на бульваре я случайно встретилась с Розой Мафиони. Она подошла ко мне (сидели мы на разных скамейках и долго наблюдали друг за другом). Она была подругой моей двоюродной сестры Нины Де Мартино (по мужу Паренти). Приезжала она из Симферополя. Помню, говорили и всё оглядывались, не следят ли за нами.

В Керчи на кладбище, где были похоронены все предки Еванджелиста, Паренти, Де Мартино (а их было 16 человек и еще 4

рядом, в соседней ограде) не удалось ничего найти, всё было захоронено другими.

Вы безусловно правы, что мы, оставшиеся в живых, должны помнить и писать об умерших, чтобы органы нашего государства видели, сколько горя, страданий, слез принесло нам репрессирование».

XII

Письмо Павла Эдуардовича (Паоло) Еванджелиста (Саратов, Россия) профессору Джулио Виньёли.

«Дорогой профессор,

прочитал Вашу книгу (*«Забытые итальянцы. Итальянские меньшинства в Европе»*, издательство Джуффре, Милан, 2000 год), которая мне очень понравилась, поздравляю! Я заказал её в Италии за 20 долларов. Учитывая, что мой заработок не превышает 100 долларов, можете себе представить, как мне хотелось её иметь! Я рад, что моя информация, воспоминания дедушки, его сестры, моего дорогого команданте Паренти пригодились Вам в работе.

Как Ваши дела? Как сын Франческо? Уже закончил университет? Он мне очень понравился.

Кстати, когда я был у вас, спросил, есть ли возможность, чтобы и я учился в университете на том же факультете. Он мне посоветовал обратиться к Атташе по культуре Посольства Италии в Москве для получения стипендии. Но Атташе ответил, чтобы я не морочил ему голову, хотя мне известно, что Посольство через Институт культуры имеет возможность выделить стипендию, это точно.

Вы хотите посетить Саратов, буду рад принять Вас. Нужно ли приглашение чтобы приехать в Россию? Это не проблема. Проблема в другом. Собираясь приехать, Вы, вероятно, ожидаете увидеть более или менее организованную общину, наподобие хотя бы керченской. Увы! Тут всё совсем иначе. Во-первых, никто не говорит по-итальянски. Я пытался организовать курсы, но итальянская сторона (Посольство и регионы происхождения) не проявила к нам ни малейшего интереса, а местные власти не воспринимают нас как национальное меньшинство. И

собственных средств не хватает, так что Ассоциация не действует и существует только на бумаге, к тому же не будучи даже официально зарегистрированной. Всю переписку я веду сам и за свой счет. Трачу силы, деньги, время, но почти всё напрасно. Диаспора состоит примерно из 10 человек, которые вначале составляли одну семью. Потом дети выросли, женились на русских женщинах, так что почти все ассимилировались, переняв язык и обычаи русского народа. В последние годы мы потеряли людей, которые изначально были стрижнем нашей семьи: умер дедушка Бартоломей, его сестра Паола. Что касается религии, то католическую церковь посещаю только я.

Поэтому должен предупредить Вас: многое из того, что Вы возможно ожидали встретить здесь, не существует. В любом случае, если Вы решите приехать, я буду рад принять Вас, несмотря на скромные условия.

Ваш Павел».

ВЫВОДЫ

а) Необходимость официального признания Республикой Украина и Автономной Республикой Крым факта депортации итальянцев.

Абсолютно необходимо, чтобы Правительства Украины и Автономной Республики Крым официально и прямо, без дальнейших задержек, признали факт депортации итальянцев со всеми вытекающими из этого юридическими последствиями.

Недопустимо измышлять предлоги и софизмы, когда существуют свидетельства очевидцев. Все врут? Не может быть, что вся документация по депортации бесследно исчезла, и Правительствам Украины и Крыма стоило бы поискать её в соответствующих учреждениях. Недопустимо взваливать на плечи представителей немногочисленного и бедного итальянского меньшинства всё бремя долгих, сложных и дорогостоящих разысканий во множестве государственных и региональных архивов, разбросанных на огромной территории бывшего Советского Союза.

Необходимо, чтобы Правительство Италии без дальнейших проволочек проявило заинтересованность и обратилось к

Правительству Украины по поводу официального признания депортации итальянцев.

- б) Необходимость, чтобы Итальянская Республика вернула гражданство Италии итальянцам Крыма и тем их потомкам по мужской и женской линии, которые того пожелают.**

Из всего вышеизложенного становится ясно, что в любом случае принятие советского гражданства итальянцами Крыма не было результатом свободного выбора и было им навязано. Они не могли ни отказаться, ни вернуться в Италию. Начиная с 30 годов двадцатого века возвращение на Родину, при всём желании, стало для них невозможным. Всё было национализировано, не было средств оплатить такое долгое путешествие.

Вот, к примеру, история семей Себастьяна Джаккетти и его старшего брата Саверио: «У Себастьяно было 11 детей, а у Саверио только три дочери, и он был немного богаче брата. Семье Себастьяно нечего было продать, чтобы оплатить возвращение в Италию для большой семьи (старшие дети имели уже свои семьи). А Саверио удалось уехать с женой и младшей дочерью. Но и он не смог взять с собою двух старших дочерей Сильвию и Лору с семьями. Предполагалось, что обосновавшись в Италии они станут помогать дочерям, а возможно и семье брата. На родину они отправились морем. Дорога была долгой и опасной. И лишь спустя годы стало известно, что они, слава Богу, не утонули, а благополучно достигли Триеста. Но его дочери и вся семья моего прадеда так и остались в СССР».

К тому же, оставшиеся были запуганы советской пропагандой: «Муссолини вам заплатит за работу в советском колхозе!». Многие боялись, что, вернувшись в Италию, будут немедленно убиты фашистами или попадут в тюрьму.

Следовательно, необходимо, чтобы итальянцы Крыма и их потомки по мужской и женской линии имели право на получение итальянского гражданства. В этой связи стоит вспомнить о следующих законах Италии: Закон от 14 декабря 2000 года, № 379 «О признании права на итальянское гражданство для лиц, рожденных и проживавших на территории Австро-Венгерской империи, и их потомков»; Закон от 8 марта 2006, № 124 «Изменения к Закону № 91 от 5 февраля 1992 года, касательно

признания права на гражданство Италии для соотечественников из Истрии и Далмации и их потомков».

По образцу этих законов можно решить и вопрос итальянцев Крыма.

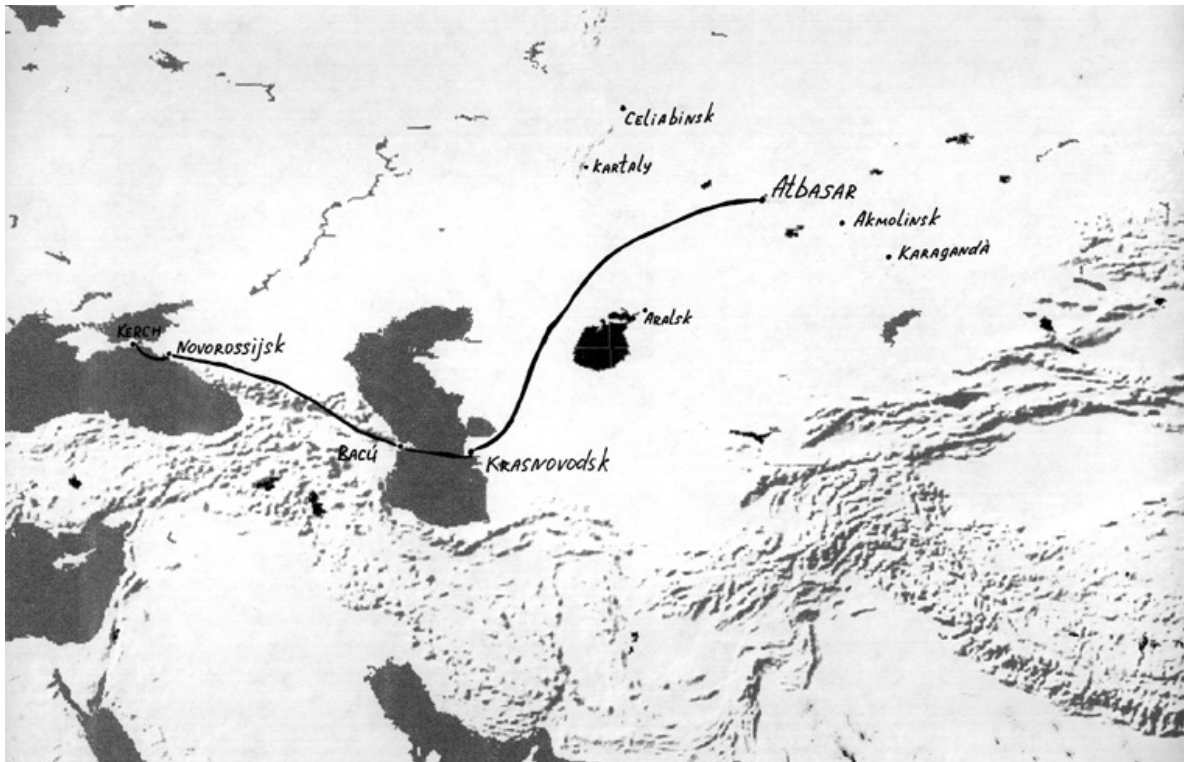
APPENDICI

1. ELENCO DELLE FAMIGLIE DI ORIGINE ITALIANA ABITANTI UN TEMPO, O TUTTORA, IN CRIMEA

L'elenco non ha nessuna pretesa di completezza per assenza di una precisa documentazione. Viene indicata fra parentesi la eventuale variazione subita dal cognome nel tempo.

Albrizio (Albriccio, Albrize, Albruze, Albruzo); Aleviro; Alpino; Angeli (Angelo); Arpino; Autuori; Bardo; Barone (Baroni); Bartololi; Bassi (Basso); Beltrande (Belotrande); Benetto (Beneto, Beneta, Binetto, Bineto, Binetti); Biancani; Bianco; Biocino (Biocini, Biozino); Bisceglie; Bodano; Borisano; Botto; Brize; Bruno (Bruni, Brune); Bucolini (Buccolini); Budani; Bulato; Calangi; Cambani; Canari; Capuleti; Carbone (Carboni); Cardone (Cardoni); Carlilo; Caspani; Cassanelli (Cassanello, Casanelli, Casaneli, Cassinelli); Chichizolo; Cinbata; Cocolo; Colangelo; Copo; Coronelli; Coruto; Croce; Cuppa; Cutto; De Celis; De Doglio; De Martino (De-Martino, Demartino); De Melo (Demelo); De Pasquale; De Pinda; De Stefano ; Dell'Oglio; De Steano (De-Steano, Desteano, De-Ste Ano); Di Balzo; Di Benedetto (Di-Benedetto, De Benedetto, De-Benedetto, Debenedetto); Di Fonso (Di-Fonso, Di Fonzo, Di-Fonzo, Di Fonzio, Di-Fonzio, De Fonzo, De Fonso, Defonso); Di Giovanni (Di-Giovanni); Di Mario (Di-Mario, Dimario); Di Marzo (Di-Marzo, Dimarzo); Di Piero (Di-Piero, De Piero, De-Piero); Di Pilato (Di-Pilato); Di Pinto (Di-Pinto, De Pinto, De-Pinto); Digbi; Docelis (De Celis?); Ducia; Evangelista; Fabiano (Fabiani); Ferante (Firante); Ferretti; Ferro (Ferri); Fioli; Flisani; Foschi; Francesco; Fursa; Galante; Gamma; Garibaldi; Giacchetti; Gianuzi (Gianuzzi); Giorgi; Icino; Lago; Lagoluso (Logaluso, Logoliso); Lagorio; Larocco; Laurore; Leconte (Le Conte, Le Conto, Li Conto, Le-Conte); Lernio; Lerio; Mafioni (Maffione, Mafione); Magni; Merce; Minetto; Miona; Misiano (Misiani); Mizino (Mezzin); Mueti; Nenno (Nenni); Palmento; Parenti; Pergalo (Pergolo); Perio; Petrincio (Petrinco, Petringo); Piazzolo (Piazzollo); Piero; Pleotino; Porcelli (Parcelli, Parceli, Porceli, Parcele, Porcele); Protero; Puglia; Puppo; Ranio; Romano (Romani); Rossetti (Rosseti); Ruba; Sardeli; Savv; Scamarino; Scaringi ; Scoccemarro (Scacemaro, Scucemaro, Scozimaro); Sclarino (Sclarini); Serenti; Servuli; Sesoro; Simone; Spadavecchia; Spadoni; Spartaco; Talasini; Tarabochio; Terlizo; Trieste; Vinanti; Vlastari; Zingarelli; Zitarelo.

2. ITINERARIO DELLA DEPORTAZIONE

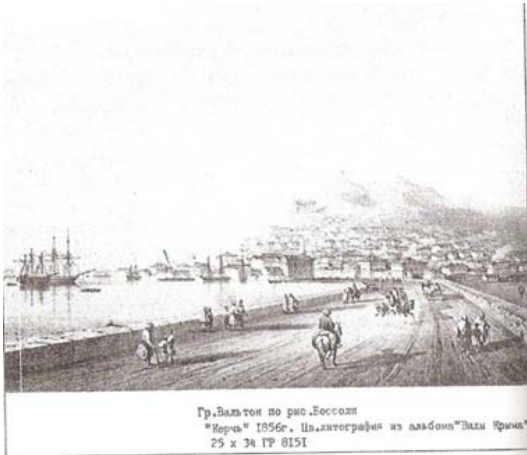
3. DOCUMENTI E STAMPA

A sinistra, fotocopia della dichiarazione del KGB del 4 aprile 1991. In centro, fotocopia della risposta della Direzione regionale degli Interni alla richiesta del municipio di Kerc ricevuta il 22.07.93. A destra, l'articolo del giornalista Marco Brando sulla sorte degli italiani repressati.

4. FOTOGRAFIE

A sinistra, riproduzione del disegno del pittore italiano Bossoli eseguito nel 1856. Rappresenta il panorama di Kerc. A destra, unica fotografia di Pietro Giacchetti in possesso della figlia Claretta (tutti i documenti personali furono sequestrati al momento dell'arresto del padre).

A sinistra, Polina Delerno (fotografia del 1936). A destra, Natascia De Lerno Tocareva.

A sinistra, Speranza Giacchetti Denisova (fotografia scattata in Kasakistan nell'anno 1947 circa). A destra, Speranza Giacchetti Denisova (2006).

Natale De Martino all'eta' di 14 anni (fotografia scattata in Kasakistan).

A sinistra, Pietro Pergalo nella sua casa di Usinsk, Rebubblica autonoma dei Comi (anno 2001). A destra, Larissa Giacchetti Sciskina tiene una conferenza sulla deportazione degli italiani di Crimea all'Universita' dove insegna.

